

Андрей
Воронов-Оренбургский

СТАЛИНГРАД

ТОМ 3

НАД НАМИ МЕССЕРЫ
КРУЖИЛИСЬ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

Андрей Воронов-Оренбургский

**Сталинград. Том третий.
Над нами мессеры кружили**

«Автор»

2019

Воронов-Оренбургский А.

Сталинград. Том третий. Над нами мессеры кружили /
А. Воронов-Оренбургский — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-03676-5

"Сталинград. За Волгой земли нет!" - роман-сага о чудовищной, грандиозной по масштабу и человеческим жертвам Сталинградской битве, равной которой не было за всю историю человечества. Автор сумел прочувствовать и описать весь ужас этой беспримерной кровавой бойни и непостижимый героизм советских солдат... Как это возможно? Не укладывается в голове. Но ощущение полное - он сам был в этом аду!.. Он сам был участником Сталинградской битвы... Книга получилась - честной и страшной. Это суровый, как сама война, роман, возможно, лучший со времен "Они сражались за Родину" М. Шолохова. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-03676-5

© Воронов-Оренбургский А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	45
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Воронов-Оренбургский

Сталинград. Том третий.

Над нами мессеры кружили

Глава 1

В июне 1942 года Адольф Гитлер начал новое наступление на Восточном фронте, целью которого было нанести окончательное поражение советским войскам. Фюрер взял на себя непосредственное командование всеми войсками на Восточном фронте, который после 41 года, стал большим зубом в десне Третьего Рейха. Он принял окончательное решение, что в кампании 42-го войска в центре и на севере будут теперь вести оборонительные бои, в то время как главный сокрушительный удар будет нанесён Советам на юге – с целью захвата богатых нефтяных месторождений Северного Кавказа. Однако, в этот щекотливый, грозивший роковыми последствиями, момент он ещё не решил, стоит ли сначала захватить располагавшийся на Волге Сталинград, чтобы обрубить пути транспортировки нефти на север, или же сосредоточиться исключительно на Кавказе. Что ж, подобная двойственная позиция немецкого командования сохранялась на протяжении всей кампании.

Фактически операция, получившая кодовое наименование «План Блау» была последней возможностью для фашистской Германии нанести решающее поражение Советской Армии.

Наше Верховное командование сознавало, что весной 1942-го немецкая армия была слишком ослабленной для проведения общего массированного наступления на всех фронтах.

Тем не менее, к середине июня 1942 года, после поступления мощных подкреплений, численность Вермахта на Востоке вновь составила 3,15 млн. касок, что на 100 тысяч превосходило численность германской армии в начале операции «Барбаросса» в 1941 году. Слабым аргументом утешения было лишь то, что во время кампании 41-го, во время операции «Тайфун», когда непобедимый Вермахт был остановлен на подступах к Москве, а затем и отброшен назад в ходе контр наступления советских войск, – фюрер потерял наиболее подготовленных солдат, и к лету 42-го немецкая армия была качественно более слабой, чем в июне 41-го. Ну так, ведь, и наша армия была крайне измотана, обескровлена и потеряла лучших воинов...

В этой опасной ситуации гитлеровское командование предприняло решительную попытку лишить Советский Союз возможности продолжать войну, развалив его военную промышленность путём захвата нефтяных ресурсов.

«Группа армий «ЮГ» начала наступление (в рамках «План Блау») 28 июня 1942 года. В её составе в направлении юго-восток Кавказа наступало 69 дивизий, насчитывавших 1,5 млн. касок и 1500 танков. Их поддерживал 4-й Воздушный флот лучших многоцелевых машин Люфтваффе, куда вошло 1560 самолётов из 3000, действовавших на всём Восточном фронте».¹

9 июля 1942 года, предвкушавший коренной перелом в войне с русскими, Адольф Гитлер разделил группу армий «ЮГ» на две самостоятельные части: генерал-фельдмаршал Лист возглавил группу армий «А», а генерал-фельдмаршал фон Бок – группу армий «Б». Последний с юности начал свою военную карьеру. В возрасте 17 лет он поступил фенрихом в гвардейский пеший полк, дислоцированный в Потсдаме, и год спустя был произведён в офицеры. Смелый, самоуверенный и крайне честолюбивый, он перед наступлением сказал своим войскам: «Идеальный солдат Рейха выполняет свои воинские обязанности на пределе возможностей, пови-

¹ «100 битв, которые изменили мир», М., изд. «Россия», 2010г.

нуется без размышлений, думает только о том, чтобы выполнить приказ, и единственное его желание – погибнуть в яростном бою благородной смертью рыцаря!»

Ветеран Первой мировой войны и кавалер ордена Pour le Mérite, фон Бок во время нападения на Польшу в 1939 году командовал группой армий «Север», а в боях в Бельгии и Голландии в 1940 году – группой армий «Б». В начале операции «Барбаросса» он был назначен командующим группой армий «Центр». Провал наступления под Москвой привёл к тому, что 19 декабря 41-года фон Бок был отстранён от командования, взбешённым фюрером. Но придя в себя, уже с холодной головой, взвесив все «pro» и «contra», Гитлер, месяц спустя, поручил ему возглавить группу армий «Юг». «Благодарю за высокое доверие. Будьте спокойны, мой фюрер. Мы раздавим «иванов» в кровавую жижу, чего бы нам это не стоило!» – категорично заверил он Гитлера.

В Генеральной канцелярии Рейхстага планировали: что после того, как фельдмаршал фон Бок очистит от русских орд бассейн Дона, его войска двинутся на восток и сравняют с землёй город, носящий ненавистное имя Сталина, в то время как группа «А» генерал-фельдмаршала Листа прорвётся в глубь Кавказа и с марша захватит майкопские нефтяные месторождения. Второй этап операции «План Блау» начнётся 30 июня – мощным и сокрушительным ударом 4-й танковой армии, развёрнутой южнее Воронежа, – на юго-восток вдоль западного берега Дона, с целью взять в клещи разбитые остатки «красных варваров», соединившись с наступающей на восток 6-й армией генерала Фридриха Паулюса.

«Победа или смерть во славу Тысячелетнего Рейха!» – с таким девизом на устах стальные, механизированные по последнему слову техники легионы Вермахта, – ознакомили новое летнее, невиданное по размаху германское наступление из района Курска на юг и юго-восток России.

* * *

...Голова штандартенфюрера СС Отто фон Дитца нещадно трещала, как грецкий орех. Сказывалась двухдневная лихая и шумная пирушка, на которой было опустошено чёт знает сколько бутылок шампанского, шнапса и коньяка. Торжество, устроенное генералом Штуммером, в честь грандиозного германского наступления двумя бронированными – моторизованными группами армий «А» и «Б» на Сталинград и Кавказ, неведомым образом переросло в дикую вакханалию со скачками вокруг столов на стульях задом-наперёд, неистовой пальбой в потолок из табельного оружия, громогласного распевания баварских, ганноверских и саксонских застольных песен... Оргия, закончилась показательным расстрелом 30-ти пленных красноармейцев, с последующим отрезанием у них голов и гениталий, из мошонок которых дивизионные «умельцы» делали для офицеров памятные фронтовые кисеты с тавром виде красной звезды, либо серпа и молота. После этой забавы в духе СС, вконец ошалевшие от крови, алкоголя и вседозволенности, господа – офицеры жестокие бесчинства продолжили. Бравые центурионы Рейха зверски насиловали пригнанных полицаями молодух... И вновь строчили в небо из автоматов – пистолетов, снова пили за здравие Великого фюрера, за скорое наступление и за ошеломительный успех 1-ой танковой армии фон Клейста, которая по последним данным, разгромив и рассеяв на своём пути красные скопища большевиков, стремительно продвигалась к Кавказу. Одним словом, пирушка генерала Штуммера, по всем статьям – удалась на славу. Вермахт проводил на захваченных территориях тактику выжженной земли. Это была официальная доктрина нацистской Германии, и потому на сей счёт никто не заблуждался.

* * *

...В полной мере разделял эту доктрину и барон фон Дитц. Однако, он никогда не разделял национал – социалистическую идеологию. Как Бог свят! Его тошнило от самого слова «социализм» в любой интерпретации. Штандартенфюрер был ярким сторонником авторитарного, а более – диктаторского государства, а потому был убеждён, что только Адольф Гитлер

и его «железная партия» оказались на деле способны возродить мощь и процветание Великой Германии из пропахшего тиной и дерьмом веймарского болота.

В своём дневнике Отто записал убористым, жёстким почерком: «1939 год, 22 ноября. Наконец-то сбылась моя мечта! Я имел честь быть представленным фюреру и лицезреть его в непосредственной близости. Он воистину уникален, деятелен и умён. Клянусь честью нашего древнего рода, я и мои коллеги по оружию, пришли в полный восторг от этого «богемского ефрейтора». Не скрою: в мгновение ока фюрер изменил состояние моего духа, как излечил больной дух и всей нашей нации. Я готов решительно заявить: то обстоятельство, что Германия родила в самую тяжкую годину Гитлера, есть наивысшее свидетельство её исторической живучести! Все мы готовы громить врагов Германии и в любую минуту отдать жизнь за нашего вождя. Слава Рейху! «Один народ, одна империя, один фюрер». Хайль Гитлер!»

Между тем, помимо Гитлера, Геринга, Гессе, Гимmlера, Геббельса, Бормана и других высших чинов РСХА, у Отто были и иные учителя – теоретики, из трудов которых он, как и сами коричневые диктаторы – отцы основатели Третьего Рейха, черпал свою мудрость и нацистские убеждения.

Рудольф Кьеллен, ревнивый последователь Гаусгофера, тоже – геополитик, сторонник сильного авторитарного государства, на границах коего должны быть вассальные страны.

Профессор Эрнст Хассе, кафедра в Лейпциге, председатель Всегерманского союза, махровый нацист и милитарист. Он имел обширную программу создания «Великой Германии» «до Персидского залива», призывал «захватить Швейцарию, Балканы, Малую Азию, семь восточных департаментов Франции», а под конец «присоединить к «германской империи» Францию, Англию, Австрию...

Граф Жозеф Артур Гобино (1816-1882) удостоился чести считаться создателем «расовой теории». Был французским литератором. Самый его известный теоретический труд – «Эссе о неравенстве человеческих рас». Согласно этому труду, расовая борьба – движущая сила истории и развития человечества. Гобино считал «наиболее благородным отпрыском белой расы» «белокурую и голубоглазую германскую расу». Уверяя, что смешение рас губительно понижает уровень культуры и приводит к... демократии, т. е. к деградации и качественному ухудшению нации.

Безусловно, государство Гитлера после 1933 года было насквозь идеологическим. Идеология была тем цементом, который скреплял и НСДАП, – нацистскую партию, и вообще всех сторонников Гитлера, которых сначала были тысячи, а потом миллионы. Надо признать, это была могучая идеология! Притом воистину простая, но магически действенная, как зов вожака стаи.

Штандартенфюрер фон Дитц не уставал восхищаться «универсальной вакцине» фюрера, которая в неимоверно краткие сроки «поставила нацию на ноги». Гитлер предложил немцам, страдавшим от тысячи бед после проигранной войны, одного вечного испытанного виновника, врага в сатанинском облики – еврея. Всё, что не нравилось Гитлеру и другим, приобретало эпитет «еврейский» – «жидовский». «Еврейский коммунизм», «еврейская плутократия», «жидовский капитал», «еврейские политики», «жидовская демократия», «жидовские эксплуататоры», «еврейская печать», «еврейское искусство», «жидовский Кремль, Советский Союз» и т.д.

После «освобождения» от «евреев» Гитлер сулил немецкому народу великое будущее. Притом немедленно. На немецкой земле настанет райская жизнь. Все добропорядочные бюргеры, лавочники получают достаток и лавки. Нищие квартиросъёмщики станут домовладельцами. Неудачники – интеллектуалы – геррами профессорами. Бедняки крестьяне – богатыми хуторянами. Женщины – красавицами, их дети – здоровяками, отличными солдатами, «улучшится порода».

Кроме того, расизм воистину всеобъемлющ. Дальше, больше. «Расовая теория» призвала ненавидеть не только «лукавых евреев» и «грязных цыган», но и тюрков, а после – славян. Ибо была создана целая иерархия рас. На олимпе – арийская (немцы, скандинавы, англичане и т.д.). В середине пирамиды – среднеземноморские расы. Внизу – чёрные, жёлтые, красные расы. Ещё ниже – славяне (впрочем, эти последние «расы» время от времени менялись местами). И уж на самом-самом отхожем дне – жида и цыгане...

Фюрер заявлял, что уже в Вене он воздвиг гранитный фундамент своего мировоззрения: ненависть к евреям, к демократии, к марксизму. Озарение и, как следствие, убеждение в том, что Провидение избрало немецкий народ стать нацией господ.

Освободившись от чугунных пут Версаля, Германия обязана, прежде всего рассчитаться с безжалостным смертельным врагом немецкого народа – Францией. С Францией надо вступить в решающий бой, и само собой разумеется, уничтожить её.

Далее: Германии следует распространиться на восток, главным образом за счёт России. Пока раздробленная Германия, погрязшая в религиозных догмах, спорила до хрипоты за кем истина и ломала головы в создании немецкой философии, все колонии мира уже были завоёваны и поделены между первенствующими государствами. А потому, жизненное пространство, по его страстному убеждению, надо завоёвывать в Европе и, если это делать, то за счёт безбрежной России. Новому Рейху придётся двинуться по дороге, которой маршировал когда-то германский рыцарский орден, дабы завоевать немецким мечом и немецким плугом не только новое Отечество, но и дать нации хлеб насущный.

Только достаточно большое пространство обеспечивает на этой земле народу свободу существования...

Стоит раз и навсегда забыть о границах 1918 года и двигаться дальше, ибо те границы были оскорбительны для немцев, а так же нецелесообразны с военно-географической позиции. Точку отсчёта фюрер видел в дали седых веков, когда немцы якобы отбросили далеко на восток второсортных славян. Сейчас мы насчитываем 80 миллионов немцев в Европе. Это несправедливо мало! Только тогда наша внешняя политика будет правильной, если за какие-нибудь сто лет или меньше на этом континенте станет проживать 250 – 300 миллионов немцев. И, конечно же, в границах одного Рейха! Мы национал – социалисты начинаем там, где всё кончилось шесть столетий назад. Мы прекращаем вечный поход Германии на юг и запад Европы и обращаем свой грозный взор на восток... И если мы ныне говорим о Европе, о новой земле, то в первую очередь имеем ввиду лишь Россию и подчинённые ей окраинные государства.

Правда по дороге на Восток Гитлер намеревался ещё захватить Австрию, Судеты, Польшу, Бельгию и т. д. Что, кстати, благополучно и сделал, – наливая из хрустального графина коньяк, с удовлетворением резюмировал барон. Мягкий, пряный напиток нежно обжёг гортань и согрел желудок. Поверчивая в пальцах мокрую рифлёную рюмку, Отто презрительно усмехнулся:

– Тупые французы... Ещё тупее американцы... Все раскудахтались, разблекотались, как овцы и индюки в канун Рождества...

«Ах, Боже мой! Это неслыханно! Это не видано!» «Господа! Как это возможно? По какому праву, Германия атакует нас?!» Глупцы... – Он засмеялся дружелюбно, потянулся в кресле, как сытый хищник, но его безупречные белые влажные зубы сверкнули угрожающе и жестоко. – Ужели, неясно? По праву сильного! Шакалы, гиены, зебры и буйволы – все поджимают хвосты, дрожат в кустах и в страхе бегут, когда слышат в саванне царственный рёв льва. Хм... Наш фюрер тысячу раз прав! Главное – не экономика, не благосостояние народа, главное – идеология, дух нации! И тут, чёрт возьми, всё логично. Где лучше всего укрепляется воинский, рыцарский дух? Нет, не на мягком диване, не в обстановке изобилия и радости. А в жестокой борьбе человек стал великим – в вечном мире – он гибнет, как тля! Самый храбрый и прилежный получает, как любимец Природы, – её право на существование, на гос-

подство... Сильнейший должен господствовать, а не растворяться в более слабом, жертвуя собственным величием. Вывод: кто хочет жить – тот борется! А кто не хочет вражды в этом мире, кто не желает вечных сражений, тот не заслуживает и жизни.

Да. Будь я проклят... Даже если это жестоко, это так... так, а не иначе!

Поднявшись с продавленного сидалища кресла, он снова щедро плеснул себе в рюмку: «Чёрт с ним с уставом... Вот и я – штандартенфюрер СС Отто фон Дитц, по праву сильного выпью ещё... Аха-хааа-а!.. Сегодня, в нашей дивизии, добрая половина офицеров... имеет на это право. Будь здоров, Отто! Выпей, дружище за удачу... Она, о-ох как понадобится нам всем... Уже завтра наши «тигры»... Мои «тигры»... в составе тысяч других машин Вермахта, сотрясут землю своим ходом и рыком, и тронутся маршем на Сталинград.

Подняв локоть выше, он залпом осушил искристое содержимое рюмки и, приятно хмелея, дорожа своей общностью с книгой фюрера, вновь опустился в скрипучее кресло. Шумевшая голова его, была полна суровыми, а потому особенно дорогими воспоминаниями; отсечённые от остального гражданского мира своим знанием жестоких реалий войны, чужой земли и природы, которые теперь, после стольких смертей и несчастий, крови, пота и слёз, – казались ему неповторимыми и желанными.

Его холодные глаза, обрамлённые усталыми морщинами, сузились, застыли, как голубой лёд. Адольф Гитлер заявил, что он построит на веймарских развалинах Германии совершенно новое иерархическое государство на прогрессивной базе расовой теории, сам станет абсолютным диктатором, а в один прекрасный – сакральный день и властелином мира. Особенно барону импонировала последняя и архиважная, пожалуй, основная тема «Майн кампф» – улучшение расы и порабощение низших рас. Это часть больше всего радовала штандартенфюрера и, как кёльнский бальзам, согревала его нацистское сердце.

Позиция вождя и здесь была чёткой, прямолинейной, сильной и сокрушительной, как удар легендарного тевтонского двуручного меча, не оставляющий противникам ни единого шанса. В этой позиции не было ни капли либеральных колебаний, лукавой двойственности, не было и намёка на гнусную многоликую демократическую лояльность, ни пошлой толерантности – придуманной сионскими мудрецами, чтобы дурачить народы, а самим тайно, но убедительно править миром. В диктаторской позиции фюрера без всяких примесей и добавок, был высшей пробы нацистский дух и солдатская прямота.

Отсюда Гитлер выводил необходимость строжайшего запрещения смешанных браков, а главное – принудительное выведение чистопородных немцев.

Ну. А если всё время правильно производить селекцию, то народится избранный фюрерский слой...

Последний жизнеутверждающий постулат вновь вызвал улыбку на губах барона. Браво фюрер! Вы как всегда бесподобны в своей непосредственности и напоре. Чёрт побери! Просто буря и натиск – ровные зубы Отто твёрдо сжимали сигару. – Бог свидетель! У каждого патриота Германии крылья растут за спиной от ваших смелых речей... А сердце переполнено гордостью, как кубок рейнским вином! Но вот за Ламаншем, равно и за Атлантикой чудово племя подняло нестерпимый вой...

– Какая низость! Какая вопиющая мерзость, господи!

– Этот выскочка – параноик!... таки исчадие ада! Махровый нацист... А его низкопробная «Майн кампф»? это бред сумасшедшего, да и только! Какой вульгарный, солдафонский цинизм!

– Антисемит! Фанатик!

– Шовинист!

– Юдофоб! Зверь во плоти! Чернокнижник...

– Его «Майн кампф» это вопли безумца!..

– Бездарность и мракобес...

– Его 800 страниц не блещут ни слогом, ни образностью, ни эрудицией! От них несёт «пивным путчем» и мюнхенским бредом...

– Эти 800 страниц, господа, буквально вязнут на зубах... Скука и серость... Неужели, никто из вас, не замечал злобный и душный идиотизм этого труда?

– А вот и не-е-е-ет!! Что б мне провалиться, джентльмены. *Этот мальчик не так прост, хоть лопни! Он куда хитрее и прозорливее многих из нас и своего окружения*. Бьюсь об заклад! Сто против одного... Мир ещё услышит о подвигах этого психопата – ефрейтора...

* * *

И мир не только услышал о Гитлере, но содрогнулся и впал в тяжелейшее чёрное отчаянье от подвигов и успехов этого безродного безумца.

Нет, Адольф Гитлер не был сумасшедшим. Хотя некоторые бойкие журналисты и психиатры на Западе и утверждали, будто он страдал паранойей. Не наблюдалось у него и сильных отклонений, вызванных применявшимися им медикаментами, о чём охотно писали даже некоторые более – менее серьёзные западные историки¹.

Но всё это удел дешёвых спекуляций на тему... И неистребимая страсть человечества к невероятным сенсациям. Спору нет! звучит ошеломляюще: сумасшедший перевернул мир и многовековой порядок.

Однако, хороши больной! Полоумный двенадцать лет к ряду правил 80 млн. народом в самом центре Европы – и не в глубокой античной древности, и даже не в средневековье, а во вторую треть XX, цивилизованного века, века великих открытий и научного прогресса!

Сумасшедший завоевал Австрию, Францию, Бельгию, Нидерланды, Норвегию, Югославию, Грецию, Польшу, Чехословакию, бомбил Лондон, став для Черчилля и всех англичан – ночным кошмаром летящим на крыльях смерти, дошёл почти до Москвы – его генералы видели в бинокли рубиновые звёзды Кремля и, как шутили, – усы Сталина. Дошёл до Волги! Кавказа! Захватил Крым! И всё это в шизофреническом бреду??!!

Теперь мир, смертельно напуганный своим животным страхом, в оцепенении жил в ожидании грядущего... Сможет или нет – фюрер окончательно воплотить свои дьявольские идеи в жизнь. Теперь уже мало кто сомневался: если коммунистическая Россия рухнет, под натиском железной машины нацистской Германии... Гитлеру удастся загнуть Человечество в бараний рог. Он подчинит себе весь мир и действительно создаст Тысячелетний Рейх – новую цивилизацию, Империю Зла – на руинах двухтысячелетней старой. Какой она будет? – такой глупый вопрос в оккупированной немцами Европе уже никто не задавал. Это будет фашистское – тоталитарное государство, воздвигнутое на чудовищной тирании, жесточайшем террористическом режиме насилия, страха... На крови и костях – нет, не миллионов, а миллиардов людей! И это будут уже не «Закат Европы» по Шпенглеру, а «Закат мира» по Гитлеру.

Нет, фюрер не был умалишённым, бесноватым – да, но не безумцем. А кто из великих завоевателей со времён фараонов Древнего Египта, Александра Македонского, Атиллы, Чингиз-хана, Тамерлана, Наполеона... был другим?..

Три тысячи залпов чертей! Он был как раз самым здравомыслящим и нормальным среди его окружения. И затеял он эту чудовищную по масштабам, невиданную прежде человечеством II-ую Мировую войну, отнюдь, не потому, что оказался безумным, потому, что такова была жестокая логика – или антилогика – его милитаристской системы. Сам новый порядок и его нацистская теория, сам тоталитарный фашистский строй толкал диктатора Гитлера в огненную бездну войны со всем миром, а вместе с ним и Германию.

Глава 2

– «Один народ, одна Империя, один фюрер», – Отто выпустил дым из ноздрей, зловещий малиновый огонёк сигары отражался в его холодных, неподвижных глазах. – Жалкие твари! Вы все... Все-е! Ещё услышите о нас, до единого... И содрогнётесь! Вы просто не отдаёте отчёта на кого посмели открыть ваши поганые рты. Полагаете, Ла-Манш и Атлантика ваше спасение? Детский понос – заблуждение. Дайте срок... Мы поднимем на воздух ваш вонючий, базарный Нью-Йорк и навсегда похороним под руинами небоскрёбов вашу хваленую американскую мечту. И тогда посмотрим, как вы заскулите, – когда по улицам – площадям Лондона и Вашингтона пройдут парадом непобедимые войска Третьего Рейха!

Усталое от хронического недосыпания и затянувшегося пьянства лицо фон Дитца, внезапно окаменело, отразившись в выпуклом стекле полупустого графина. Прикрытые глаза, напоминавшие два осколка льда, начали преображаться. Словно в этом бледном обескровленном лице начинало дьявольски проступать другое – посыпанное багровой окалиной, яростное, хищное, с дрожащими от бешенства ноздрями, оскаленным ртом, горящими ненавистью и презрением глазами. Так сквозь брошенную в костёр бересту прорывается пламя, сжигает подсвеченное шкурё, дёргающееся в предсмертных корчах.

– Проклятые «янки»! Тоже, как трусоватые «бобби»² грозят нам вторым фронтом. Но все боятся, привыкли выродки от веку чужими руками таскать каштаны из огня. Всё торгуются – жмутся между собою, как бы не быть в убытке. Ждут, как падальщики, когда мы обескровим друг друга с большевиками. С-суки! *Rechner abdekackt! Brauche hilfe!* Тоже мне умники... Сброд и отбросы со всей Европы! Вы позорите чистоту англо – саксонской расы. Вы, только гадите и поганите по всему миру, тупо и покорно управляемые жидами с Уолл-стрит!.. Разносите свою масонскую заразу, – еврейскую хитронырость и клевету. Ох, уж этот Новый Свет, с его старыми атавизмами...

Рассуждая, за рюмкой коньяка, на эту – щекотливую для каждого немца тему, градус настроения штандартенфюрера повысился. На его бледном аристократическом лице проявилось хищное удовольствие. Победно выставив, с лёгким вывертом ногу вперёд, он полюбовался сияющим хромом своих шикарных сапог, потом отличным сукном безукоризненного мундира с аспидно – лиловым оттенком. Ему не советовали брать такой чёрный цвет – с нарочитым отливом. Не вполне уставной, «мишень» для нареканий вышестоящего начальства, и вообще непрактичный для танковых войск, но Отто был исключением. Тот самый «сверхчеловек», «белокурая бестия», которым был и герой Ницше из книги «Так говорит Заратустра». Отто был ещё относительно молод, прекрасно сложен, как Аполлон, привычно желал оставаться красивым и рьяно охранял это своё качество. И, право, он по-мужски был на загляденье хорош, и на душе было радостно и гордо; и если покуда нельзя было вообразить себя фельдмаршалом или генералом, то, во всяком случае, ясно чувствовалось, что он лучший из всех боевых командиров, какие есть в их сводном бронетанковом полку и, быть может, даже во всей 2-й танковой дивизии СС «Дас Райх», к которой он был приписан сразу, после своего перевода из Северной Африки. А эта часть, между тем, была самой сильной и боеспособной из трёх элитных дивизий II-го танкового корпуса СС, и просто так попасть туда было немислимо.

...Ему было хорошо. Разлившийся по жилам хмель размывал и туманил предметы в комнате: телефон с коммутатором, соединявший его со штабом дивизии и непосредственно с генерал-майором Штуммером, шторы с пышными вино-красными рюшами и кистями, настенный ковёр на котором красовался его парадный, с одним серебряным полковничьим погоном эсэсовский чёрный, как безлунная ночь, мундир, на совесть отутюженный денщиком Вей-

² одно из прозвищ англичан в Европе.

сом, бутылки с наклейками на стойке буфета, книжные полки, фотографии в рамках на белой стене, – реальные предметы отступили в тень, в глубину. А из прошлого отчётливо, ярко – руку протяни и достанешь – приближались лица боевых товарищей, курившиеся дымами развалины не то вокзала, не то сортировочной почтовой станции, сгоревшее дерево без вершины, чуть далее на обочине покорёженная корма русского танка Т-34, обугленные трупы «иванов»...

Глядя на дорогое, в кожаном тиснёном переплёте берлинское издание «Майн кампф», он вспомнил старое время, когда всё только ещё начиналось...

* * *

То было бурное, беспокойное, но деятельное время больших возможностей.

...Уже в 1921 г. в помощь Национал-социалистической партии, сокращённо НСДАП – были созданы штурмовые отряды СА. Их руководителем после Эмиля Мауриса и Ульриха Клинка стал Герман Геринг.

Создавая СА, будущий фюрер имел дальний прицел. Ведь сама гитлеровская партия была в ту пору достаточно «боевой» – в прямом смысле этого слова и вполне могла «охранять» себя и подавлять противников. Даже в конце 20-х годов многие нацистские вожди (только не Гитлер!) ничем не гнушались: к примеру, били стульями и железными прутьями по головам инакомыслящих. Не смотря на бесконечное попустительство веймарской полиции, у всех у них было множество «приводов», они платили штрафы за «нарушение общественного порядка» и т. д.

Многие обыватели – наивные души, политики – либерального толка задавались вопросом: «Зачем нужно создавать столь дорогостоящую структуру – СА?» «По сути, собственное войско?!»

Однако, если кто и задавался тогда такими вопросами, то только не юный Отто. Он быстро разобрался и правильно понял замысел Гитлера: тот дал крупному слою немцев, околдованных «магией строя», «счастье маршировать в строю».

...А «строй» и «военная дисциплина» в крови у немцев со времён Крестовых походов! «Строй» был издавна окутан в Германии множеством легенд: сказанием о мужском воинском сообществе и о мужской силе, преданием о «равенстве и братстве»: мол, люди в одинаковых ратных одеждах и в одних шеренгах, объединённые одной идеей – есть высшее проявление социальной справедливости! И правда, военизированный строй привлекал возможностью целенаправленной жизни во имя большой государственной идеи. «Строй» наконец давал действительную защиту простому, «маленькому человеку». В те суровые времена маленький человек в Германии, а особенно деклассированный элемент, только что снявший шинель, чувствовал себя беспомощным и незащищённым. У него не было сил и воли в одиночку бороться с циклопически огромным враждебным миром, зато в «строю», «на бравом марше» – он был силен и храбр, как лев. Вдобавок в любом «строю» за него думали и отвечали опытные начальники, которым хотелось повиноваться и слушаться, перед которыми хотелось показать себя с лучшей стороны, выслужиться, быть замеченным, а если надо, если будет приказ, то и умереть. Именно на этой основе Адольф Гитлер, хороший знаток человеческих душ, и создал своё государство. В этом сплочении нации, по принципу «осинового роя» – «один за всех и все за одного», – и кроется феномен покладистости, и секрет дисциплины подданных в любом тоталитарном государстве.

Создавая СА, Гитлер опирался на опыт военизированных организаций, возникших в Германии сразу после окончания войны, на опыт фрейкоров и их девиз: «Тот, кто не с нами, тот против нас».

В январе 1923 года был созван первый имперский партийный съезд. Именно «имперский», хотя партия нацистов существовала не в Германии, тем паче не в «империи», а лишь в Баварии, точнее, в Мюнхене. Но будущий фюрер, как уже отмечалось, заглядывал далеко вперёд, был прозорлив и всё делал, так сказать, «на вырост».

Отто радовался и гордился со своими друзьями – сверстниками, когда в 1922-23 годах оформилась и символика нацистов. Они заимели свой флаг – багровое, цвета крови полотнище, а внутри белый круг с паукообразной свастикой, кстати сказать, совершенно неизвестно, что символизирующей для подавляющего большинства немцев, но впечатляющей, магически действующей и интригующей своей зловещей загадочностью. А главное, «своё» приветствие: «Хайль Гитлер!». О форме тогда даже не мечтали, поскольку на том этапе не было должных материальных возможностей. С ростом партии, её боевых отрядов и приданной ей военизированной организации СА, проблема финансов возросла до небывалых размеров.

Гитлер активно искал богатых спонсоров – меценатов, и он их нашёл. По-первости это были жёны богатых баварских промышленников: Хелена Бехштейн (всемирно известная фирма «Рояли Бехштейна»), Гертруда фон Зейдлиц (финская бумага), фрау Брукман (крупная издательская фирма). Помогало Гитлеру также очень богатое семейство издателей Ханфштенглей (книги по искусству). Через первых, Гитлер познакомился в то же время с промышленниками – миллионерами Борзигом, Гранделем, Фрицем Тиссенем – эти воротилы индустрии начали исправно помогать – платить Гитлеру и в марках и в твёрдой валюте. Дальше, больше. Чем сильнее становилась нацистская партия, чем крепче она наращивала мускулы и политическое влияние в стране, тем больше становилось тех, кто хотел ей помочь.

Был среди таких «охотников» и старый барон Альбрехт Ганс Фридрих фон Дитц – отец Отто, который не хуже наследника, чувствовал «куда дует ветер» и «держал ухо востро». Ещё бы!..Страна задыхалась от репараций союзников, сумма которых была определена в апреле 1921 года – 132 миллиарда золотых марок! Дьявольская инфляция нарастала с каждым часом, безработица также. Людей охватывала апатия, отчаяние и жуткая депрессия. Чиновничество тоже «бросало поленья в огонь общего недовольства». Оно жаждало вернуться к традиционной преступности своего слоя.

«Демократию, – писал известный историк фашистской Германии Карл Дитер Брахер, – в Веймарской республике никто серьёзно не рассматривал. Её метко называли «трудной идеологией» и этим выразили тот факт, что авторитарная, или диктаторская форма правления кажется гражданам, жаждущим порядка, защиты и справедливости, предпочтительней, нежели зыбкая демократическая система, построенная на бесконечных компромиссах, коалициях, кулинарных лобби и двойных стандартах... часто откровенно лживых и подлых...»

Роковым годом стал 1923-й. Уже в январе в Рур, дававший Германии 80% выплавки железа и стали, и более 83% угля, вошли французские войска. 1 июля 1923 года – 1 доллар стоил – 165 тысяч марок, 1 августа – 1 миллион марок, 1 – ноября – 130 миллионов марок. Вера людей в деньги, в собственность, в своё будущее круто поколебалась.

В этой обстановке произошла консолидация реакции в Баварии. Всё это необычайно воодушевило Адольфа Гитлера. Кроме того, железную уверенность в него вселил и закончившийся победой фашизма в Италии «поход Муссолини на Рим» в октябре 1922 года.

Вспоминая былое, полковник фон Дитц был далёк в этот час от политики и, право, не ставил себе задачей проанализировать те или иные этапы веймарской Германии в период восхождения Гитлера на олимп власти. Но так уж получилось: история фюрера и нацизма буквально выросла в германскую историю, которую оторвать, а тем более вычленить её из общего исторического потока было решительно невозможно... Стоит ли говорить о том, что их юное поколение, открыв рот, слушало своего неистового кумира и неустанно следило за стремительно развивающимися событиями в стране.

Между тем, сам Гитлер не сидел, сложа руки. Он был на зависть всем деятелен и подвижен, как ртуть. Его нацистские речи наполненные «огнём возмездия» и облоймой трескучих прагматических лозунгов, зажигали огромные массы немцев: в Берлине, Мюнхене, Дрездене, Магдебурге, Гамбурге, Шверине, Лейпциге – словом по всей Германии. *И вскоре, истерзанный*

ударами судьбы и бездоyleм, немецкий народ стал видеть в нём своего мессию – спасителя, полубога.

Отто выпустил цепочку дымовых колец изо рта, в памяти звучал характерный отрывистый, лающий голос Гитлера тех лет:

«Для освобождения необходимо нечто большее, чем экономическая политика, большее, нежели прилежание...Для свободы Германии необходимы гордость, упрямство, ненависть и ещё р-раз ненависть! Наша обязанность говорить об этом, ибо в недалёком будущем мы должны взять в свои руки абсолютную власть и одновременно вздёрнуть на виселицу этих демонов, этих негодяев, врагов народа!..»

Все знали, кого подразумевал Гитлер под «врагами народа», «демонами» и «негодяями» – политиков Веймарской республики. Нацисты даже «изобрели» новое выражение: «Ноябрьские преступники» (в ноябре была подписана капитуляция Германии).

Но речей уже было мало, даже самых «зажигательных», яростных! «Та отчаявшаяся, как на вертеле, подогретая человеконенавистническими призывами Гитлера, взвинченная толпа «бесов» – опора нацизма, требовала самых решительных действий...Виселиц, еврейских погромов, массовых казней, чёрт знает чего...»

– И тут заслуга фюрера на лицо, – Отто потянулся стряхнуть пепел сигары в пепельницу, но к его досаде, седой столбик пепла попал на его начищенные сапоги.

– Scheibe! Чёрт возьми! – Он усмехнулся своей неловкости и, с хрустом затушив сигару, скрепил: – *Заслуга Гитлера тех лет заключалась в том, что он превратил житейский антисемитизм в идеологическую и политическую категорию! А потом и в государственную доктрину. Видит Бог, до этого ещё никто не додумался. А дышать в Германии без этих иудейских упырей и впрямь стало легче.*

Смахнув рушником с голенища сапога пепел, он отвлекся от своих мыслей, прислушался. Телефон на стене упрямо молчал, и это радовало барона.

Через задёрнутые шторы и стёкла окон проникали вечерние лучи июньского солнца и наполняли тёплым, но тревожным светом две большие, высокие, но голые комнаты, составлявшие вместе с кухней временное жилище штандартенфюрера СС фон Дитца и его денщика Вейса. Отто приоткрыл на три пальца штору, лежавшей на столе линейкой, прищурил глаза. Солнце, палившее целый день зашло, кроваво – красное в мутном небе. Тень прошедшего дня легла на бескрайнюю южную степь. Пехотная дивизия Штуммера и сводный механизированный полк, в котором числился и ударно-штурмовой танковый батальон фон Дитца, терпеливо ждал XIV бронетанкового корпуса генерала Хубе, под началом которого были две моторизированные дивизии и одна танковая. Влившись в корпус Хубе, минуя Елец и Воронеж их части должны были вдоль Дона выдвинуться на юго-восток, к Сталинграду, куда по приказу фюрера стягивалась 6 армия Паулюса и другие части Вермахта, входившие в свою очередь в группу армий «Б», которую возглавлял испытанный в сражениях генерал-фельдмаршал фон Бок.

...Три рюмки коньяка ослабили натянутость «вздёрнутых жил», но иступляющий, тяжёлый рокот танковых двигателей, моторов военных грузовиков, один бес, – сводил с ума.

Солдаты Штуммера толпились в ожидании, а их офицеры под затянутыми пятнистыми маскировочными сетками, брезентовыми тентами все продолжали скрупулезно изучать оперативные карты; сапёры с упорством термитов сооружали заградительные поля от русских вдоль стратегического направления главных сил. В небе вспыхивали яркие люстры осветительных ракет, и в их льдистом призрачном свете фельдфебели и капралы проверяли боеприпасы, по привычке покрикивая на солдат, – не хитрый, известный приём, отвлекающий их от дурных мыслей о надвигающейся, как безудержный смерч, бойне.

– Вейс, – хриплым баритоном крикнул полковник, опуская линейку, потеряв интерес к происходящему за окном. – Вейс, где тебя дьявол носит!

Зацепившись плечом о дверной косяк, на пороге застыл расторопный денщик. Барон остановил слегка засыревший от коньяка взгляд на Вейсе. Родом из Вюртемберга, крепко сложенный, с бритым затылком и льняной чёлкой, которую обрезал край армейской пилотки цвета фельдграу, по своим физическим данным он вполне мог бы играть в защитной линии университетской футбольной команды. И днём и ночью с открытым верноподданническим взором, ефрейтор Вейс радовал и раздражал Отто своей «всегоготовностью» – одновременно.

Денщик, с усердием щёлкнув каблуками, застыл в немом ожидании указаний своего господина.

– Курьеров, адъютантов... по мою душу не было? Звонков из штаба?...

– Никак нет, герр полковник.

– Экий ты, дружище, исполнительный, даже скучно до тошноты, – кротко упрекнул полковник. – Я ещё не успел договорить, а ты уж рубишь, как топором. Шу-чу. Похвально, Вейс. Похвально твоё рвение. Таким и должен быть настоящий солдат Германии. Если и дальше будешь таким исправным... Хмм, обещаю похлопочу об унтер – офицерских нашивках для тебя... Почему нет?

– Я воль, герр полковник! – рявкнул денщик.

– М-да, и траве надобно пробиваться, Вейс... Наш фюрер тоже начинал свою карьеру с ефрейтора... А каких, чёрт возьми, достиг заоблачных высот! Как Бог свят, выше Монблана¹. Понял мою мысль?

– Я воль, герр полковник! – отчеканил, словно поставил печать, Вейс, не отрывая глаз от хозяина. – Чего изволите, герр полковник?

Не желая вступать в дальнейший пустой разговор с денщиком, фон Дитц молча, пожал плечами, щёлкнул, оттянутой широкой помочью о грудь и велел подать горячий кофе и шоколад.

– Слушаюсь, мой господин. Будет исполнено. – Вейс снова по-военному щёлкнул каблуками и был таков.

Покуда денщик, сидя на корточках, возился у печи и, обжигаясь, подтапливал смолистым щепьём, отсыревшие от дождя на концах дрова, Отто, развалившись в кресле «связал» прерванную нить воспоминаний.

– Das ist unser letzter Trost. – Он грязно выругался в адрес заокеанских злопыхателей. – Многие из этих историков – клеветников поддают сомнениям гений фюрера! Nuppen bicken! Эти порхатые умники считают взгляды нашего вождя – «лоскутными», «дырявыми» и «несостоятельными». Halt die Klappe! Но вам придётся скоро заткнуться. Мы каждому горлопану забьем в глотку германский каблук!

Самолюбие штандартенфюрера было крепко задето. Уж кто-кто, а он на совесть изучал «Майн кампф» и знал эту книгу от корки до корки, как «Pater noster...» *Знал: что вся идеология Гитлера в основе своей базировалась на серьёзных философских трудах. А именно: Ницше, Шпенглера, Шопенгауэра, Фрейда, а так же Гегеля и Дарвина (социал-дарвинизм – перенесение внутривидовой борьбы на человеческое сообщество).*

Больше всего повезло Ницше. Нацистский вождь, объявил его своим великим предтечей. Это выражалось в том, что он часто ссылался на Ницше и держал бронзовый бюст философа на своём письменном столе.

Многие, бежавшие из Европы в Соединённые Штаты, не без сарказма и яда подливали масла в огонь, что Гитлер не изучал систематически ни отдельных философов – теоретиков, ни собственно историю философии. Что ему было довольно запомнить заголовки работ Ницше: «Человеческое – слишком человеческое», «Воля к власти», «По ту сторону Добра и Зла» и т.п.

Но это было не так. Даже самое поверхностное знакомство с «Майн кампф», опровергало это кощунство и убеждало фон Дитца, что Ницше, отнюдь не исполнял функцию, так сказать, украшения на фасаде фашистской идеологии.

Впрочем, кроме этих маститых, с мировым именем учителей были у фюрера и другие. «В основе «Майн кампф» и вообще философии нацизма лежали расистского толка брошюры «ОСТАРА», которые в Вене выпускал Йорг Ланс. Это был законченный авантюрист и пройда каких мало. Тем не менее, он создал «Орден нового храма» и весьма изрядно чего придумал по части «расовой теории», вряд ли читая Гобино и прочих «высоколобых господ». Человечество Йорг Ланс делил на «эффлингов» – «обезьян», «шретлингов» – «леших», – с одной стороны, и на «ариогероев», то есть «арийцев – героев», – с другой. Ланс всё предусмотрел: и «спаривание» на «научной основе», и стерилизацию «эффлингов», и депортацию, а также штрафные лагеря для «выродков» «леших» и «обезьян»».

Юного Отто всегда отличала от сверстников повышенная тяга к познанию, желание докопаться до истины, знать причину и следствие. Не прошли мимо его рук и брошюры Ланса, датированные 1908-1909 годами. Он их проглотил одну за другой и, надо сказать, пришёл в полный восторг. Не смотря на сомнительность и вульгарность данных агиток, это было, по сути, прямое руководство к действию.

«Вероятно, этот теоретик погромов и душегубок, – позже рассуждал барон, – был бы давным-давно забыт, если бы следы его «изысканий» не оказались столь заметными в «Майн кампф», в публичных заявлениях Бормана и в широкой практике Гиммлера.

Бесспорно, повлиял на Гитлера так же Георг Шонерор, глава немецкой национальной партии в Австрии, убеждённый антисемит и пангерманист. А ещё больше Карл Люгер – бургомистр Вены, отчаянный наци и закоренелый фашист. В «Майн кампф» Гитлер с похвалой отозвался о его умении «действовать на инстинкты» широкой массы своих сторонников.

Разумеется, имени Йорга Ланса ни фюрер, ни другие видные нацисты никогда вслух не поминали, но Отто фон Дитц был убеждён, тот, кто серьёзно занимался германским фашизмом, мимо «идей» Йорга Ланса, – пройти просто не мог!

* * *

Между тем, от членов других военизированных организаций штурмовики СА отличались крайней агрессивностью, постоянной готовностью и нацеленностью на кровавые драки, которые не исключали убийства. Всё происходило на глазах Отто и происходило стремительно. Казалось, само время работало на нацистов.

После Первой мировой войны в Германии появились милитаристские, реваншистские по духу союзы вроде «Стального шлема». Уже самоё название формирований, которые Гитлер начал сколачивать в середине 1921 года, красноречиво говорило о многом: «штурмабайлунген» – «штурмовые отряды» или сокращённо СА. В отряды штурмовиков, построенные по территориальному принципу и военному образцу, вливались тысячи добровольцев, привлечённые умелой и убедительной агитацией Адольфа Гитлера и других вожаков движения. Как уже говорилось, в большинстве своём это были недавние участники мировой войны, социально дезориентированные, крайне озлобленные поражением Германии, унижительными условиями Версальского договора, безработицей, чудовищной инфляцией, жуткой нищетой. С самого начала к ним присоединилось много деклассированных люмпенов, а так же откровенных уголовников.

Создатели штурмовых отрядов придумали несколько весьма эффективных приёмов, чтобы помимо социальных призывов привлечь в СА прежде всего молодых активных людей. При этом использовалась давняя притягательность в глазах немцев, и мужчин и женщин – униформы, богатой символики, всяческой атрибутики.

Для штурмовиков придумали броскую и жутковатую форму: коричневая рубашка, чёрные бриджи, кепи с козырьком, высокие армейские сапоги, широкая нарукавная повязка красного цвета с белым кругом и чёрной магической свастикой в центре. Этот основной символ нацистов – древняя свастика, крест с изломанными по часовой стрелке концами – явился для Гитлера настоящей находкой. И титулование: в СА, а позже и в СС, – все командиры именовались фюрерами, т.е. вождями – руководителями, начиная от ротнфюрера (унтер-офицер) до

самого высокого – оберстер – СА – фюрера. Это почётное звание носил сам Адольф Гитлер. Потом в Рейхстаге придумали много другого эффектного и устрашающего: ночные факельные шествия, штандарты, «нацистские» приветствие и прочее, прочее...

К моменту прихода НСДАП к власти в СА состояло уже более 3-х миллионов человек. К этому времени прозорливый и осторожный Гитлер создал в недрах штурмовых отрядов и в противовес им новую военизированную структуру, которая, в конечном счёте свела на нет влияние и вероятную угрозу со стороны СА. Это были так называемые «шутцштаffelън» – «специальные охранные части», – сокращённо СС. В отличие от коричневых рубашек СА повседневная форма СС была чёрной. Эмблемой СС стало серебристое изображение «мёртвой головы» – черепа над скрещенными костями и рунические знаки – молнии, соответствующие латинским литерам «SS».

«Лейбвахе» – личная стража Гитлера, сформированная ещё в 1923 году и преобразованная вскоре в Ударный отряд «Адольф Гитлер», и стала стальной основой СС. Поначалу эсэсовцев было не более двухсот. Но, как говорится, – лиха беда начало. Под руководством Гимmlера, численность СС стала неуклонно возрастать и к моменту прихода Гитлера к власти достигла 30 тысяч касок, т. е., примерно в сто раз меньше, чем штурмовиков, но в отличие от диких нравов и разнузданности, ставших нормой в СА, в СС царила жесточайшая железная дисциплина и организованность, что делало эти спецотряды куда более мобильными и боеспособными.

Так называемые «Общие СС» («Альгемайне СС») формировались на территориях – в первой петлице, установленного для той или иной территории цвета проставлялся номер полка (штандарта) или иной части, в левой – знаки различия. Погон носился только на одном – правом плече. Начиная со звания штандартенфюрера (приравненного к чину полковника в армии); знаки различия носились в обеих петлицах.

Эсэсовские части – до 40 тысяч касок, – нужны были Гитлеру вовсе не для личной охраны – с этой задачей вполне справлялась отлично обученная, до зубов вооружённая рота. Нет, он предвидел неизбежность рокового столкновения с определённой и значительной частью штурмовиков и тщательно готовился к этому. Причём на всей территории Германии.

Именно невозможность предvarить в жизнь те пункты программы НСДАП, которые сулили большинству штурмовиков ликвидацию социальной несправедливости и всевозможные блага, вызванное этим их глубокое и опасное недовольство, привели к знаменитой «Ночи длинных ножей» 30 июня (на самом деле резня длилась до 2 июля) 1934 года. Чтобы в зародыше подавить чреватое взрывом разочарование тех, кто привёл его к власти, Гитлер отдал своей преторианской гвардии приказ вырезать несколько сот (а по некоторым данным до 5-и тысяч) наиболее влиятельных и опасных штурмовиков, начиная с самого начальника штаба отрядов СА, когда-то ближайшего сподвижника и друга, Эрнеста Рема. В качестве фюрера и рейхсканцлера Гитлер оставался на «ты» лишь с четырьмя лицами из своего окружения...И Рем был одним из них.

Глава 3

... По донской холмоватой целине, до васильковой каймы горизонта на юг, к Сталинграду, упрямо тянулись войсковые части армейского подчинения 62-ой армии генерал-лейтенанта В.И.Чуйкова. Степь грозно гудела-рычала моторами. Журчливо лязгали гусеничные сочленения танковых колонн, стрекотали отбитые у врага в большом количестве мотоциклы, пыхтели грузовики доверху набитые ящиками с боеприпасами, надсадно чекали десятки тысяч копыт тягловых лошадей, тащивших за собою артиллерийские батареи; грязно белую, розовую, жёлто-бурую пыль кромсало и вспарывало бурливое половодье сапог матушки-пехоты, плотные строевые порядки которой с птичьего полёта из-за, пузырчатой пены стальных полусфер солдатских касок, брякающих котелков, сапёрных лопаток и арматуры оружия, – казались железной рекой, берега которой, густо пятнались бронетехникой, как степь скошенными валами хлеба, на сколько мог видеть человеческий взгляд.

* * *

Начиная с июля 42-го года, Вермахт действовал строго по схеме утверждённой фюрером (в рамках «План Блау»).

Разделённая группа армий «Юг» на две самостоятельные части «А» и «Б», рьяно выполняли полученный приказ.

Одновременно с боевыми действиями генерал-фельдмаршала Листа (группа армий «А») и генерал-фельдмаршала фон Бока (группа армий «Б»), на юге начали наступление три армии ранее незадействованной группы армий «А» – 1-я танковая армия фон Клейста, 17-я армия Руоффа и 3-я румынская армия Думитреску. Нанося удар из района Изюм-Таганрог, 22-е дивизии быстро развивали наступление на восток и юго-восток в направлении к Ростову и устью Дона, чтобы соединиться с 4-й танковой армией. К 11 августа закалённые в боях части 1-й танковой армии стремительно продвинулись к Северному Кавказу и врубались стальным клином в район Черкесска. Тем временем на северо-западе корпус LII с боями прошёл через выжженные солнцем Калмыцкие степи, и 12 августа с хода взял Элисту, расположенную в 360 километрах к юго-востоку от Ростова.

Однако вскоре по всему Кавказскому ТВД мощный наступательный порыв немецко-фашистских войск стал угасать. Ситуация для немцев стала едва ли не критической. Причиной было постоянно усиливавшееся ожесточённое сопротивление советских войск, но главное – сокращение поставок вооружения и боеприпасов, а так же большой недокомплект в боевых соединениях, который в каждой дивизии достигал в среднем 4000 человек.

Адольф Гитлер, кой к этому времени потерял живой интерес к Кавказу, поручил командование группой армий «А» фон Клейсту, а сам, со своим генеральным штабом, полностью сосредоточился на операции по захвату Сталинграда.

Между тем, вынужденный перейти к обороне Клейст сознавал, что разбросанные на огромном пространстве войска Оси не в состоянии добраться до стратегических бакинских нефтяных месторождений. Увы, ему оставалось лишь предпринимать чудовищные волевые усилия, чтобы удержать свой слишком растянутый фронт.

В середине августа в ходе нового яростного наступления войска 6-й немецкой армии наголову разгромили в излучине Дона 1-ю гвардейскую и 4-ю танковые армии и атаковали во фланг 62-ю армию на рубеже Клетская-Суrowикино. Под жесточайшим давлением противника советские войска отступили к Дону. Теперь ключевым пунктом фронта становился – Сталинград, и каждая из воюющих сторон лихорадочно наращивала свои группировки в преддверии битвы за этот стратегически важный город.

В состав советского Сталинградского фронта входили: 1-я гвардейская, 4-я танковая, 21-я, 24-я, 63-я и 66-я армии – 415000 человек, более 200 танков и 2000 орудий и миномётов;

в состав Юго-Восточного фронта – 51-я, 57-я, 62-я и 64-я армии – 160000 человек, 80 танков и 1450 орудий и миномётов.

Со стороны Вермахта на этом участке действовали 6-я армия генерала Фридриха Паулюса – 440000 человек, 450 танков и 5300 орудий и миномётов; а так же 4-я танковая армия генерала Германа Гота – 159000 человек, 2100 орудий и миномётов.

Как Бог свят! Сталинград притягивал к себе немецкие войска, как магнит, и его захват имел для Гитлера огромное психологическое и даже мистическое значение. Фюрер был просто одержим этой мыслью.

Точно так же и для Иосифа Сталина удержание этого города стало наиглавнейшей задачей. Он требовал, что бы город был удержан любой ценой. Тем более, что он прекрасно сознавал – в случае потери Сталинграда – Москва окажется открытой и уязвимой для фашистского удара с юга.

* * *

...Нестерпимый зной нарастал. Чёрт знает, сколько было градусов, но столбик термометра явно зашкаливал, не рассчитанный на такую жару. Полуденный зной был непрерывен, безнадежно ровен и глубок. Тяжёлый рокот моторов и неровный топот ног людских и лошадиных, захлестистое ржание последних и монотонный скрежет железных колёс, дробящих мелкий камень в муку, тяжёлое, надорванное дыхание, безостановочно текущих за горизонт солдатских колонн, – сводило с ума и казалось диким вымыслом, тяжёлым бредом обезумевшей от войны земли. Раскалённый воздух дрожал, и беззвучно, точно готовые потечь, дрожали камни; и дальние ряды пехоты на дуговатом подъёме, орудия и лошади, танки, грузовики и повозки, казалось, отделялись от тверди и беззвучно плазменно колыхались – словно не живые – то шли полки, а армия бесплотных теней. Огромное, близкое, страшное солнце на каждом стволе орудий, винтовок и миномётов, на скошенной броне танков и самоходок, на каждой металлической пряжке и пуговице зажгло тысячи крохотных ослепительных солнц, и они отовсюду, с фронта и флангов, снизу и тыла забирались в глаза, огненно-белые, острые, как концы добела раскалённых штыков.

...Войска шли по исконным донским казачьим землям: просторным, некогда вольным, что с прадедовских времён славились достатком и лихой воинской удалью, богатыми станицами – куренями, числом острых шашек и гордых красавиц, хлебом, пастбищами, тучными стадами скота и «бессчетной» птицей. Но теперь... Безносая сука война прокатилась испепеляющим огнём и по донской земле, не оставив камня на камне, развела – разметала пути и судьбы людей, не дав надежды, – сойдутся ли они когда вновь. Цветущие курени, куда в былые времена возвращались казаки хозяевами или жданными – дорогими гостями, теперь не наполнились радостью. Глухая тоска прижилась и курилась грязными дымами над обезлюдившим краем, навсегда потерявшим своих родных и близких. Многих, очень многих защитников ныне не досчитывался воспетый в сказаниях и песнях многострадальный Дон – растеряв их на различных фронтах от Бреста и до Москвы; трупами полегли они и истлели под набатную орудийную панихиду, и теперь позаросли бурьяном высокие холмы и курганы братских покоищ, прибило их дождями и ливнями, позамело песками и сыпучим снегом. И сколько ни будут простоволосые казачки по зову сердца выбегать на пустынный шлях и с надрывной надеждой глядеть из-под ладоней, – нет... не дожидаться им никогда милых сердцу! Сколько ни будет из опухших – выцветших глаз ручьётся слёз, – не замыть горькой полыни – тоски! Сколько ни голосить в дни годовщины – поминок, – нет... не донесёт ветер их криков до Бреста, Белостока и Гродно, до Орши и Минска, Киева, Пскова и Новгорода, до Нарвы и Ленинграда, Волоколomsка, Можайска и Москвы, до осевших рвов их безымянных могил!..

Здесь, над угрюмым Доном, над заброшенными пашнями и покосами, над чёрными пнями и головнями пепелищ, казаковал прогорклый расстрелянный ветер и лишь траурное воронье радостно воспевало хрипатым граем свою богатую тризну.

* * *

Обескровленная 100-я дивизия, вынужденно дислоцированная в нескольких, близь лежащих друг к другу, полуразрушенных станицах, с напряжённым нетерпением ожидала пополнения. После освобождения наших сёл, городов, деревень и станиц солдаты становились невольными очевидцами жутких картин. Так, в одном из домов, под Воронежем, пулемётный расчёт старшего сержанта Нурмухамедова, натолкнулся на изуродованные трупы советских бойцов.

...Гитлеровцы, стоявшие в селе, были выбиты. Производя контрольную. Зачистку они пробирались среди одноэтажных совхозных домов, каждый из которых напоминал расколотый обгорелый каштан, который какой-то зверь брал в зубы, дробил скорлупу челюстями, выгрызая живое ядро, схаркивал расщиплённую, ороговевшую кожуру. Вокруг всё было мертво, неподвижно, как на погосте, припорошено хлопьями чёрного пепла, под тусклым злым солнцем. Один дом, стоявший на отшибе, привлёк их особое внимание. Над ним из трубы, как будто, струился и плавился бесцветный дым.

По короткому взмаху руки сержанта Нурмухамедова, они, выставив стволы автоматов, обогнули щербатый забор, с сорванным с петель забором, и бесшумно проникли внутрь двора – та же картина. Взломанный фугасом дом. Разбросанный по базу хлам. Дырявленный автоматной очередью эмалированный банный таз, детская маломерка – ванна из оцинкованного листового железа; рядом желтело дровяное щепьё, остатки ломаной мебели. Ближе к дому, возле колодца – два вывороченных столба, в перекрестии которых комом валялись опалённые огнём детские верёвочные качели с запеленатой, однорукой куклой... Вокруг осколки и черепки посуды – глиняных горшков и стеклянных банок.

– Товарищ старший сержант! – голос рядового Черёмушкина было не узнать, глаза, казалось, вот-вот выпрыгнут из орбит. Где-то внутри он почувствовал первый приступ тошноты. – Айдайте сюда! Сюда... – глаза его заматались, из горла вырвался хриплый придушенный вопль.

Все бросились к нему, и, обогнув дымившиеся венцы сгоревшего сарая, застыли, как вкопанные. У конюховки, на верхней поперечной балке, привязанные к ней железным тракторным тросом, вниз головами, как освежёванные бараньи туши, висели четыре советских бойца, запятанные насмерть. Все безглазые, с отрезанными носами, ушами, оскопленные, с вырезанными штык-ножом на спинах и плечах бордовыми пятиконечными звёздами. Рядом с замученными, прямо под их мёртво болтающимися руками, на берёзовых чурках, поставленных на попа, лежали орудия пыток. Забрызганный кровью плотницкий топор, паяльная лампа, кузнечные клещи, шестигранный гвоздодёр, длинные крепёжные скобы, зубило. Замученные бойцы были жутко изуродованы, обожжены, пробиты во многих местах железными скобами. На руках и ногах, как на стволах молодых деревьев, были видны страшные, до кости надрублены, оставленные топором...

«Мать Божья!..Зачем так-то?» – стучало молотом в висках пулемётчиков. Мороз ужаса против воли гусил кожу, шевелил корни волос, путал мысли...

«Так-то тошно, братцы-ы? Товарищи-и... Так-то!..За какие грехи?? – словно в огненном чаду, задыхаясь от внутреннего крика, душевной боли, в бессильной яри скрежетали зубами бойцы... Не в силах смотреть на срезанные носы и уши, набитые загустелой, как каша, сукровью раны. Надрубленные до белой кости руки и ноги... Судорожно гадали: кто и за что мог их так мучать перед смертью! Сдирать с живых кожу, выламывать – вырывать с мясом из гнёзд клещами зубы, вырывать плоскогубцами ногти...

«Это... что ж...выбивали из них несчастных?.. Вырезали...»

«Что выжигали огнём?! Выдалбливали зубилом и молотком?»

«Может, секретные документы? Или военные сведения?»

«Или просто, озверевшие изверги, мстили за свою кровь и потери?..»

«Что ж, это за ироды – сволоты... Кто так покланяется Сатане? Наслаждается кровью и муками живых людей?»

« А, может... потому, что мы русские? Советские? Коммунисты и комсомольцы, аа?!.»

– Э-эй, что тут у вас, Суфияныч? – окликнул сержанта, подбежавший с отделением автоматчиков, Танкаев.

Бойцы живо оглянулись на командирский голос, но ответа не последовало. Марат Нурмухамедов встретился взглядом с ротным, торопливо отвёл взгляд, язык и ноги отказывались ему служить.

– В сторону, отошли! – запыхавшийся командир остановился рядом с сержантом.

Мёртвая тишина.

Боевой офицер Танкаев не боялся трупов. Не боялся выстрела или взрыва мины. На передовой этого «добра» по горло. Но то, что он увидел вместе со своими ребятами, заставило содрогнуться даже его, привыкшего к ужасам войны и разрушений. Они будто попали в пыточный каземат преисподней. Их ноздри почти ощущали загробный запах серного дыма. Это была энергия смерти, разлитая и запёкшаяся на бревенчатых стенах, вздыбленных ступенях крыльца, витавшая над проломами крыши, пульсирующая Злом, в набухшей от крови земле.

– Вай-ме! – Он насилу отвёл клочущий отчаяньем взгляд от обнажённых, изуродованных тел с чёрно-багровыми волдырями ожогов. Вскипавшая аварская кровь шибанула в голову, затмила глаза. – Эсэсовцы... Ш-шакалы! Их рук дело... Дель мостугай! – Его хриплый, шершавый, как наждак, голос был дребезжащее – глух. – Нэ-навижу-у! – рывком перекидывая с плеча на грудь ПППШ, раздувая ноздри, дрожа в такой же бурлящей злобе, как и другие, приказал:

– Снять! Придать земле... Проводить героев троекратным салютом. Пусть их души знают, мы – помним! Мы – отомстим! Это двуногое зверье не считает нас за людей... Мы для них всё равно, что собаки... Иай, хорошо! Но пусть знает враг... И они для нас не выше песьего хвоста! У них не было чести при жизни, не будет и после смерти. В предстоящем бою пленных не брать! Покуда не отомстим за наших воинов. Собакам собачья смерть!

Между тем, таких фашистских свидетельств, таких зверских садистских издевательств над нашими пленными солдатами – офицерами и обычными гражданскими людьми, с начала 42-го года, стало неизмеримо больше. Видно было: гитлеровцы, не в силах переломить ход военных событий, срывали своё зло и нарастающий страх, на совершенно беспомощном гражданском населении. Упражняясь в диких зверствах, пытаясь любыми средствами запугать, сломить волю советских солдат, они давали волю своим страстям. В отличии от армейских частей Вермахта, командиры которых в большинстве своём не приветствовали таких чудовищных методов ведения борьбы, штурмовые – ударные отряды СС и специальные карательные зондеркоманды, созданные специально для истребления партизан на оккупированных ими территориях, – свирепствовали в полную силу.

Так, в хуторе Яблочково, на пути 100-й дивизии, перед отступлением фашисты уничтожили 381 колхозный двор. В городе Короча гитлеровцы заживо сожгли более 300-от пленных наших солдат и командиров. В селе Луговое эсэсовцы согнали две тысячи жителей на площадь и, при помощи натасканных на людей овчарок и автоматных очередей, допытывались, где партизаны. Но так и не добившись ничего, они расстреляли каждого пятого жителя...

Однако, этот зверский метод не оправдал надежд нацистов. Становясь очевидцами жутких картин, оставляемых после себя фашистами, наши воины с ещё большей, многократной ненавистью обрушивались на заклятого врага.

* * *

– Ишь ты-ы! Мундирной силы-то сколь понагнали! Мать моя – курица! – желтоглазый Федорчук, глядя на нескончаемый железный поток войск, кашлянул скрипуче и, топыря губы,

не без ехидства, воткнул: – Видали какие? Новёхонькие полки, цивильные, мать их ети... Усё с иголки, усё блестить... Того и гляди сороки уташ-шуть...

– Так точно, нарядные! Ни дать, ни взять кавалеры... – отозвался суетливо и радостно, стоявший тут же, рядом у красноталового плетня, Черёмушкин. Совестьливо сбивая пилоткой вьевшуюся пыль с порыжелых погон, восхищённо добавил: – Ну, прям, как на параде, товарищи, а?

– Хм, так-то шо ж не воевать? Тэк до Берлину аршинь, ни язв, ни мозолей на мослах не натрёшь. А покрутились бы оне, як пороссячий хвост, в таких передрягах, як мы, хлопцы!.. Под Чижевкой, – у долине Смерти, мамку-то их взашей, через ситцевый подол... Це было б да-а! У самых, значить, зубьях... фашистской холеры... Сразу б полиняли женихи. Верно, хлопцы? – Пётр Федорчук, ища поддержки у других, зыркнул по сторонам.

– И то, правда, конца краю не видно! – раздались возбуждённые голоса вдоль плетня.

– Это ж, сколько стволов к Сталинграду пр-рёт? Как есть вся Россия.

– Ширче бери – Союз! – присвистнул кто-то из пулемётчиков.

– Да уж, рог к рогу, – матюгнулся в опалённый карниз усов Федорчук, – гонють, як скот на бойню. Ужо будет дело.

– Не каркай, Петро! Чай не чужие, свои идут лихо ломать. А дело будет... Но и нас, и тебя – оно не забудет... Писарь даве из штабу шепнул: дескать фрицев под по Сталинградом, как блох на собаке. Видимо – не видимо!

– Ага-а... – с язвительным хохотком снова воткнул Федорчук. – Ещё скажи: гарней, чем в Берлине. Гитлер – то чо... с ихними бабами делать станет? Маятно одному покрывать всё стадо. А-ха-хаа!!

– Хорош кудахтать, хохол!

– Шо-о?

– Хохоталку закрой, а то я тебе её сам закрою...

– Нурмухамедов, невысокий, но жилистый, как ремень, крепко сдвинул локоть Федорчука узловатыми грязными пальцами. Косясь на Петро рысьими глазами, левой рукой придерживая облезлый ствол ППШ, выдохнул: – Ты чо, один у нас кровь проливал? Ну, вот и заткнись, без тебя тошно. То же мне... воин.

Щуря рысьи глаза, на скуластом татарском лице, старший сержант отошёл прочь от облепленного стрелками плетня, в поисках ускользящей тени.

У плетня одобрительно гоготнули:

– Ловко татарин хохла уел!

– Ущучил, Петро? Это тебе не борщ с помпушками трескать с салом...

Федорчук в ответ лишь с досады дрогнул скулами, как секач клыками и ражим шлепком ладони размазал по своей бурой шее, присосавшегося слепня.

Внимание всех само собой вновь переключилось на огромное, растянувшееся на десятки вёрст, движение; на бесконечно идущие призрачные, покачивающиеся ряды пехоты, на колкие, стальные щётки штыков над их головами, на зачехлённые стволы гремливых орудий, на рыкающие мощью моторов в клубах бурой пыли, колонны бронетехники... Как вдруг звонкий окрик Черёмушкина: «Смир-рно!» – заставил всех подтянуться.

Придерживая левой рукой у бедра командирскую сумку, легко минуя преграды, к ним энергично, сверкая пряжками ремней и глазами, подошёл майор Танкаев.

* * *

...Днём ранее, прибывший из госпиталя, к месту дислокации 100-й дивизии, в составе которой находился и 472-й стрелковый полк, он с трудом отыскал свою роту, – вернее то, что осталось от неё... Двенадцать бойцов, которые, пройдя с ним огонь, воду и смерть, – теперь для него стали родными. Нет, он никогда не сможет забыть их хмурые, сосредоточенные, опалённые пороховом лица: похуевшие, утомлённые, с тёмными подглазьями, с заострившимися

чертами, но с блестящими живыми глазами, жадно и преданно озиравшими его, Магомеда Танкаева, их бессменного, любимого командира. И от этой преданности своих солдат, от их огненной веры в него... Он, как это уже было не раз в бою, вдруг ощутил крепкий и радостный толчок в груди. Сердце стало увеличиваться, расширяться и терпкий комок гордости за своих воинов клочкотал в его горле. И чёрт с ним!.. Пусть война оказалась до одури длинной, чудовищной, бесстыже жестокой и лживой, – он знал: им не страшны грядущие испытания и страдания, ибо они – за Советскую Родину! Им не страшна смерть, ибо она – за любимую землю отцов и дедов! И не будет смерти, ибо их фронтовое – единство навечно стянуто – сбито братскими скрепами, овеяно божественным замыслом на земле и на небе. И в этом братстве – те, кто ныне жив, и те кто пал смертью храбрых в борьбе с фашизмом, навсегда останутся в их сердцах, в их пламенном и грозном строю – защитников своего Отечества.

* * *

– Здравия желаю, товарищ майор! – не отрывая восторженных глаз от новой Красной Звезды на груди командира, выпалил, подбежавший старший сержант Нурмухамедов.

– Построить бойцов! Произвести перекличку, – с порогу, охлаждая радостный пыл, строго распорядился Танкаев, заметно подёргивая правым углом рта (первый признак для подчинённых недалёкой вспышки гнева и раздражения).

– Есть «построить», «произвести перекличку!» – сержант обескураженный суровостью командира, насилию удерживая рвение и дыхание, бросил к пилотке ладонь. – Взвод! – на его смуглой шее вздулись и задрожали две перепутанные жилы. – В одну шеренгу ста-а-нови-и-ись! Смирна-а!

Стрелки вытянулись, замерли в ожидании «чистки перьев». Их линиялые, добела выгоревшие на калёном солнце гимнастёрки, пилотки и стоптанные сапоги, давно просили замены, устав от старых заплат и грубой солдатской штопки.

– Младший сержант Стукало! – озлев голосом, гаркнул Марат Нурмухамедов.

– Я-а! – прозвучало тягучим баском.

– Рядовой Медведев!

– Я! – винтовочным затвором лязгнул ответ.

– Ефрейтор Зорькин.

– Я! – не повышая голоса, сухо, будто в кулак, кашлянул лучший пулемётчик «Зоря».

– Рядовой Черёмушкин.

– Я! – Магомед Танкаевич заметил, порывисто повернутое к нему заострённое, голубо-глазое лицо Черёмы, похожее на лисью, испуганную мордочку.

– Рядовой Сметанин!

– Я-у! – обиженно и тихо, как телячье мычание, вырвалось из груди.

– Ты чо-о? Всё о мамкиных пирожках тоскуешь, мимоза? Может, тебе ещё сиську дать? Сметанин! – чётче и злее выкрикнул старший сержант.

– Я-у! – громчк, но так же обиженно, вторил Сметана.

– Ну, я тебе сосунок,.. – скрипнув зубом, погрозил у бедра кулаком Марат. – Рядовой Федорчук!

...Всё видел, всё подмечал майор Танкаев. Ничего не упускал его зоркий орлиный взор. Но палки в колёса совать не стал. Знал по опыту, по окопной правде: «Солдаты обязаны знать – уважать своих старшин и сержантов. Они их опора, устав и поддержка. Иначе, какой прок от их лычек в бою? Прав был старый Танка, когда говорил нам, босоногим: «Худо дело, если у отары много чабанов»».

Но не только это сейчас когтило сердце майора. Исправный старший сержант – одноверец Нурмухамедов, обращаясь к бойцам выкрикнул «взвод»...»Эх, кабы взвод...Всего-то жалкая горсть, чуть более отделения» – под тёмной бронзой скул катнулись желваки. Немец, в который раз, как волк овцу, порвал – изнахратил его роту, оставив – «ножки да рожки и шерсти клоч»...

На душе Магомеда, будто приглохла погостная тишина. На суровом лице лежала печать командирских раздумий. Что тут скажешь. Он чертовски устал привыкать к новым лицам бойцов, коих день через день – забирала костлявая смерть...

– Федорчук!

– Я. Расчёт окончен.

– Товарищ майор, – Нумухамедов крутнулся на каблуках.

– Вольно, бойцы.

– Взвод вольна-а! – вторил командирскому сержант.

– Почему вверенные тебе бойцы шлятся без дела? – пошёл на опережение Танкаев. Тон его голоса не давал отступных.

– Виноват, товарищ майор. – Рысьи глаза Нурмухамедова вспыхнули; злобясь на себя за то, что не хватало нужных слов – аргументов, буркнул под обгоревший на солнце нос: – Так ить сами знаете... Ждём пополнения. Выпал случай отдохнуть малость, това...

– Отставить. Лично меня такой «случай» не устраивает. Возражения есть, бойцы? – Магомед Танкаевич сверкнул глазами из-под чёрных крыльев бровей.

– Никак нет!

– Вот это... правильно.

– Был в вашем расположении... Стыд и срам, бойцы! Повсюду грязь, хлам... Подсолнечная шелуха и окурки по щиколотку, консервные банки – портянки... Свиньи вы или стрелки – легендарной Краснознамённой 100-й дивизии? Разве так должны содержать своё жильё воины? Ну, что молчим? – Заложив руки за спину, он, придирчиво оглядывая стрелков, медленно двинулся вдоль шеренги, как вдруг услышал позади сухой хохоток, ровно фасоль из кулька, и тихо, как вздох замечание:

– А вы это у фрицев спросите... Они гадюки там до нас хозяйничали...

– Кто сказал? – чёрный всполох глаз обжёг строй. – Шаг вперёд.

– Ефрейтор Зорькин. – Пулемётчик выдвинулся на дуговатых ногах, замер перед майором небритый, худой, с воспалёнными, как при трахоме, глазами; мелкая морось острых коричневых скул выдавала его волнение.

– Наряд вне очереди, – обрезал Танкаев.

– Товарищ майор! За что-о?... Зоря низал глазами чисто выбритого до синеватой дымки, перетянутого ремнями, непреклонного командира.

В голове пулемётчика Зорькина клубился кипящий ком мыслей... Пенная злоба поводила губы. А в тёмно-песочных, с пороховой искрой, глазах читалось:

«Ето ж, как прикажешь понимать, командир? Мы кровь проливая, товарищей боевых теряя... Ещё за етой немчурой поганой, дерьмо должны выносить? Да насрать на них сволочей, засыпать вшами и растереть! Ето ж, кто на чью радость... нас выгнал из родных краёв и кинул на смерть! Мы али они – фашисты пр-роклётын? Не из-за них ли крестовых сук, мы вторую годину на брюхе под пулями ползаем? Оторванные от своих баб и детёв... Чужую пшеницу – рожь сапогами да танками давим! Не из-за них ли паскуд рыжих, мы второй год в окопах гнилой хлеб с червивым мясом жуем... И за етой нечистью ещё говно разгребать?!»

Зоря, до глубины души задетый за живое, остановил мёрклый взгляд на чисто выбритых щеках майора и надавил:

– За что, командир? Кому я виноват?

– Три наряда вне очереди, – ломая взгляд Зорькина, обрубил Танкаев.

– Есть три наряда вне очереди, – вставая в строй, в хмурой тоске процедил Зоря, и зло усмехнулся: – Только, если можно, на кухне...

Стрелки гоготнули божьими жеребцами, но тут же притихли, как тополиный колок, перед грозой. Знали с «Абреком» шутки плохи. Командир Танкаев дюже суров, коли вопрос касается

воинской выучки и дисциплины. «Тяжело в ученье – легко в бою» – этот суворовский постулат, всегда был руководством к действию в подразделениях Магомеда Танкаева.

– Это что ж получается, товарищи бойцы? – Он резанул взором всех сразу. – Нынче наша дивизия будет укомплектована свежими силами. Я получу батальон. В нашу фронттовую семью...вольются сотни новых воинов...А вы-ы!..Моя опора – истребители танков...Моя гордость, мой щит и меч...Вах! Какой примэр вы покажете им? Рэмэнь на яйцах, сапоги в смятку, каска набекрень?

– Да уж покажем...

– Разговорчики! – цепно рявкнул старший сержант, на загудевших шерщнями стрелков.

– Нет, товарищи бойцы, – едко усмехнулся майор, – такой «пулемёт» не пройдёт. Хо! Пэрвая встреча с вами, после санбата...и что же я вижу? На первом же построении исключительная расхлябанность и разгильдяйство! А между тем, командование, направляя меня сюда, поставило задачу. Чтобы будущий 2-й батальон, стал примером для всего нашего 472-го ударного стрелкового полка! Примером во всём: в боевой и политической подготовке, в дисциплине и в ношении формы. В боевой подготовке батальона нэ будет решительно ни-каких поблажек. Ни смотря на ваши боевые заслуги...Впереди нас ждут отчаянные бои, ночные броски и боевые трэвоги, товарищи! Война, сами знаете...не прощает ошибок. Я же хочу, чтобы все вы остались живы, дошли до Победы...Но уж если...суждено погибнуть за Родину, то погибнуть геройски, как подобает воину с оружием в руках, глядя смэрти в глаза, забрав с собою, как можно больше фашистов...а не поджав хвост, умоляя врага о пощаде. «Предателям и изменникам, – говорили мои прэдки, – лучше лежать под землёй, чем находиться на земле.» теперь это, вам, говорю я.

Ну, а с фрицев, – Магомед Танкаевич по-свойски подмигнул ефрейтору Зорькину, – мы, конечно, спросим! Клянусь землёй, за всё спросим... Они шакалы, за это и так собственной кровью – мясом платят. Но, вы то – советские бойцы, по какому праву позорите Красную Армию? Короче: привести себя в надлежащий вид! Постираться, постричься, побриться. Надрать пряжки и сапоги, и быть похожими на солдат. И чтоб на постое – ни шелухи, ни окурков! Лично проверю. Старший сержант! – майор поймал рысий прищур Нурмухамедова, по-горски цокнул зубом. – Давай, брат, исполняй приказ.

Глава 4

Стрелки, пришпоренные командирским наказом, живо разобрали, стоявшее поодаль в двух «пирамидах», и ходко потянулись к полуразрушенному казачьему куреню.

Магомед проводил их взглядом и уже собрался наведаться к связистам, как вдруг, от общего движения военных грузовиков отделился глазастый «виллис» и, вынырнув из кудлтых клубов пыли, пружинисто запрыгал на ухабах и ямах обочины.

– Мишка-а! Танкаев!! Стоп машина! – не дожидаясь водительских тормозов, комбат Воронов перепрыгнул через ребристую дверцу «американца» и зарываясь мысами хромовых сапог в жёлтую пыль бросился навстречу другу. – Вот тебе-а! Скажи на милость, откуда тебя черти принесли, орёл? Я думал ты в госпитале, раны штопаешь... Еду, мать – перемать... Глядь через плечо, а тут ты... джиги-ит!

– Здравия желаю, товарищ комбат! – не в силах сдерживать чувств и улыбки, по уставному доложил Танкаев.

– Да пошёл ты!.. Будешь тут мне козырять! Мишка-а!

Фронтовые друзья – офицеры крепко-накрепко обнялись. Оба путались в чувствах; здесь была и горечь невозполнимых потерь их личного состава, и гордость за возложенную на них честь, и терпкая радость внезапной встречи... Ах, ты судьба – индейка! Снова вместе! Значит, снова, плечом к плечу, бить фашистов, чтоб отомстить за своих, чтоб сломать хребет хищному зверю, и чтоб в конце-концов победить...

Оба не скрывали искрившихся на глазах слёз... Сильные, смелые духом воины их не стесняются. Оба хлопали друг друга по плечам, давили в объятиях, словно желали передать друг другу свою ратную силу, молодость, боевой пыл и задор.

– Рад, рад, до слёз, Арсений Иванович!..

– А ну давай, давай присядем, Миша. В ногах правды нет. Нут, хоть сюда.

Они торопливо повернули в сторону развороченной артиллерийским снарядом хаты. Обошли овраг, отыскивали маломальский тенёк и озабоченно сели на бревно, будто оно обгорелое, расщепленное с одного конца, было целью всех их стремлений. Мимо, в пол сотне шагов, подобно гремливой реке, продолжали течь, волна за волной, солдатские массы, парусиновые покрышки санитарных фургонов, армейские подводы, грузовики; дрожали кирпично-красные лица пехоты, содрогалась земля, и колыхался воздух, и дальние призрачные ряды. Иссущий зной выщеживал из солдат последние соки...

Огромное, близкое донское солнце горело на каждом автоматном стволе, на каждой металлической клёпке, штыке, – сводило с ума. Палящий жар проникал в самую глубину плоти, в кости, в мозг, и чудилось порою, что на плечах пехоты покачиваются не головы, а какие-то странные – необыкновенные кочаны в касках, тяжёлые и лёгкие одновременно, чужие и страшные...

... Вот вскинулась над щёткой слепящих штыков лошадиная морда с налитыми кровью безумными глазами и рвано оскаленным ртом, только намекающим на какой-то жуткий и надсадный храп; взвилась на дыбы, рухнула, раздувая норы ноздрей, выворачивая фарфоровые белки, испуганно косясь, на обступивших её людей.

– Режь постромки! – слышен хриплый сорванный крик возницы. Затем короткий выстрел, и снова молчаливое, бесконечное движение на Сталинград...

* * *

– Ну, как ты, брат? – Арсений утёр рукавом гимнастёрки зернистый пот с лица. – У вас в Дагестане подишь-то всегда так жарит? Тебе не привыкать... Ишь ты живой!

– Э-э, что мне сдѣлается? – светло, белозубо улыбнулся Магомед.

– Ух, ты! Да я гляжу, ты, сравнялся со мной погонами! – Воронов щёлкнул прокуренным жёлтым ногтём по ребристой звезде, что бугрилась меж двух алых просветов. Тоже майор, скажи на милость. Бравушки! Молодца!

– Так точно. Целый командир 2-го батальона, Арсений Иванович. Не рэвнуешь, комбат? Помнишь, на Шиловской высоте... «Чёртом бэшенным» обозвал меня? «Неистовым черкесюкой» выставил. Э-э, урус... Забыл разве? Аварец я!.. – Магомед нарочито оскалил зубы. – Грозил разжаловать, если «тигры» фон Дитца не отбьём...

– Да ну-у? – Арсений вздыбил бровь.

– Вот тебе и «ну»! – Магомед вдруг щёлкнул зубами, как волк. – Скажи, только чисто, честно и яс-сно. Разжаловал бы?

– А то! Но, ведь, отбил же чертяка фон Дитца... А он ещё тот вояка..Кремень! Чтоб ему псу – ни дна, ни покрышки!... Эсэсовец, мать его...

Закуривая, они хватко глянули друг другу в глаза и...громко захохотали.

– Ну, вот что! – Арсений Иванович молодецки поднялся. – Да что ж мы, скажи на милость, ровно чужие, ей – Богу! Такое событие... да в сухомятку жуём! Не-ет, так не годится, майор. Эт-то дело надо обмыть. А ну, давай ко мне пулей в машину!

– Нэт, не могу, – категорично возразил Танкаев.

– Как так? – Арсений досадливо облизал пересохшие губы, пошевелил бровями и повернулся спиной к солнцу.

– У меня приказ, начштаба... Жду пополнение, – оставаясь на месте скрепил Магомед.

– И я»! – прикусывая кончик уса, весело поддакнул комбат. – Но так оно завтра будет. Я только что от связистов. Со штабом дивизии, разговор имел. Эшелон с нашим пополнением завтра ждут. Немцы разбомбили железнодорожные пути под Калачом.

– Точно, завтра?

– Обижаеть, майор. Я ещё в своём уме, с огнём не играю. Эх, «Мишка, Мишка, где твоя улыбка... полная задора и огня». Давай, давай, джигит, в машину ко мне, знать ничего не желаю! Нет, ты скажи на милость... Живой, целёхонький... Бравушки!

...Они насилу протолкались сквозь густые ряды, мимо бурых, обожжённых затылков, душных шинельных скаток через плечо, вещевых мешков, раскалённых на солнцепёке касок, котелков и сапёрных лопаток...

– Ну и путина, чёрт ногу сломит, – одёргивая гимнастёрку, поправляя фуражку гремел комбат, шаря взглядом окрест. – А где ж Валерка – водила мой? Скажи на милость, куда засранец отогнал «виллис»?

– Да вот же, – Магомед кивнул в сторону сгоревшей мельницы.

– Точно, он. Горо-охо-ов! Газу-уй сюда! Щас, щас, Михаил. Момент. Всё сделаем. Всё путём. Вс по ранжиру: сядем рядком, поговорим ладком. Во-он моё хозяйство! – он выбросил вперёд правую руку. – Видишь, красны1й лоскут над избой. Вот там и окопался. Таких только три дома и уцелело, а станица-то была будь-будь... На двести с гаком дворов. Мы её бедовую уже без тебя, отбивали у фрицев. Ребят полегло тьма... – его голос предательски задрожал, ожесточившийся взор затуманился, по крупному лицу блуждала судорога. Но, сгорстив волю в кулак, он продолжил:

– Тут и молочная ферма была, и ремонтные мастерские, и хозблок... А-ай..словом, всё как положено. Жили люди, понимаешь... Работали, влюблялись, свадьбы играли, детишек рожали, жизни радовались, мечты имели... А тут, налетели злые ветры!.. Ненавиж-жу гадов! Всех, все-ех к стенке до единого! Видит Бог, рука бы не дрогнула. Ведь они нелюди, здесь всех баб и детей малых... кого штыком, кого пулей... Слышал, пожалуй, как наш брат из колодезцев трупы детей доставал?.. – добрые, с травяной зеленцой, глаза комбата вновь налились лютой кровью, ноздри дрожали. – Детишки-то... мал мала меньше... Сам видел... Оно-о! Груднички, от мамкиной сиськи отняты... Самый большой, – синеватая бледность облила скулы

Арсения Ивановича, – не выше твоего сапога... Так-то они, Миша с нами... – мотая сырым красным лицом, страшно хрипел комбат. – Им всё едино: русский ты, аварец, грузин, белорус или хохол... Да, что мы-ы? Детей наших малых подбрасывают на штыки... Жён, дочерей наших на потеху насилуют скопом... Потом сгоняют в сарай, как овец, и живём... Живём сжигают!

– Хватит! Остынь! Зачём это мне говоришь? – остребенился Танкаев. – Эй, что я! – вчера родился? Сегодня на фронт пришёл, да?!

Но Воронов, будто не слышал:

– Вот, дали им сукам по зубам под Москвой, под Воронежем – ищите наших!.. Так они – сволочуги, – вкось усмехнулся комбат, с вспыхнувшей ненавистью глядя в сторону покрытого дымами пожарами горизонта, – принцип выжженной земли выдумали. За армейскими частями, теперь у них ещё зондеркоманды... каратели, значит, все дворы – закуты и леса прочёсывают. Камня на камне не оставляют собаки! Зоны «опустошения», «покоя и тишины» для себя гниды делают. Хер вам, а не покой! – раздувая ноздри, злорадно хохотнул комбат. Партизан б... и бояться – это правильно! Но гибнут-то, Михаил, женщины, дети и старики... Все деревни вокруг выжгли фрицы, – шаром покати! Одни мослы печных труб торчат, да дичалые стаи псов в поисках трупов рыщут. Гады-ы! Твари! Хуже зверья дикого!! Мать вашу... – матерно, зло, задыхаясь, харкал ненавистью комбат, слепо хватаясь за кобуру ТТ.

Магомед, обнимая, сдавливая руками, как железными обручами, плечи друга, насилу отвёл в сторону взбесившегося Арсения.

– Пойдём, пойдём к машине, дорогой. Ходу! Прибереги злость для боя. « Что делает с людьми война... » – подумал Танкаев.

Они шли к машине по заросшей бурьяном пашне, чуть спотыкаясь о комья чёрной спёкшейся земли. Оба майоры, в защитного цвета фуражках и гимнастёрках, с орденами и медалями на груди, в широких галифе, перетянутые ремнями, с офицерскими сумками на боку. Оба с лицами, скованными тяжёлым злым напряжением. Опередивший Арсения Ивановича, Магомед задержал шаг, услышав его голос:

– Ну, упыри, дайте срок... посчитаемся – Воронов, близко придвинувшись к нему, горячо шепнул: – Не-ет, Миша... Нет, дорогой, это будет не ваша горская месть. Месть, понимаешь ли, это вредное, эгоистичное, мелкособственническое чувство... Чуждое нашему трудовому, советскому человеку. Это будет – народное возмездие! Так-то вот, пр-равое дело! Это я тебе, как коммунист коммунисту, понял меня? То-то... Ничего-о, отыграемся! Пусть фриц не тужит... Знаешь, ведь, как аукнется, так и откликнется! Не одним им, гитлеровским выкорышам, наши шкуры дубить! Вот погоди мальчика, друг, перешибём им хребет в Сталинграде, повырываем яйца, клыки и когти... И вот тогда жажнем! Погоним их б... и поганых с нашей земли! Уяснил? – комбат лицом к лицу столкнулся с Танкаевым. – Или ещё сказать?

Магомед поймал его за рукав, убеждённо ответил:

– Я услышал тебя, брат. Клянусь хлебом, хорошо сказал! Как надо сказал, как коммунист... Но мэсть, не трогай, комбат, нэ надо. Мэсть тоже хорошо. Так адат велит. Кровь за кровь – гласит проповедь Кавказа. Вах! Это проповедь в камне – закон гор. Так жили наши почитаемые отцы и деды. Так жили их почитаемые деды и отцы.

– ... Ну, ладно, ладно, – Арсений Иванович примирительно махнул рукой. – О чём мы... теперь? Прикончим покуда эту историю, добро?

Они подошли, к нетерпеливо урчавшему «виллису».

– Садись. Садись, дорогой, счастливо выдохнул Воронов.

– Здравия желаю! – улыбочивый водитель проворно отдал честь подошедшему майору Танкаеву, распахнул перед ним заднюю дверцу «американца».

– Валерка, – плюхаясь на переднее сиденье, обратился комбат, – в нашем арсенале спирт не перевёлся ещё?

– Никак нет. Есть и трофейный шнапс. Берлинский шоколад, сигареты.

– Цыц, болобол! – шутливо прикрикнул на водителя Воронов. – Ты все то...военные тайны не выдавай, дурень! Ха-ха-а...Вот и ходи опосля с такими в разведку...

– Шикуюшь, Арсений Иванович? – весело улыбаясь и, утирая изогнутую выпрядь губ краем носового платка, прищурил один глаз Магомед.

– Да есть чутка. Разжились вот...как немца вытряхнули отсюда. Не успели сволочи всё со склада вывезти. Хорошо живут фрицы. Жируют гады, ровно не на войне...Ну, а ты, что уши лопухами развесил, Горохов? – комбат метнул на него строгий взгляд. – скажи на милость, ухо за рулём выросло! Не видишь, боевого друга встретил? Ты вот, что...Сразу по приезду, организуй всё по быстрому.

– Так точно. Сварганим, товарищ майор, – споро воткнул передачу и радушно осклабился Горохов.

– Бравушки! – Воронов захлопнул пробитую немецкой автоматной очередью дверцу. – А теперь жми по газам, дуй до наших «графских хором», Горохов.

– Есть, товарищ майор. С ветерком.

Машина вздрогнула бортами и, подпрыгивая на ухабах, словно принохиваясь к земле, объезжая воронки, круто вырулила на большак и скрылась в перистых пластах непроглядной пыли.

* * *

– ...значит, из госпиталя?

– Оттуда, товарищ комбат.

– Так зачем ты, глупой, удрал из него? Ах, ты горе... – сокрушённо покачал головой Арсений Иванович. – Тебе же надо было, как следует вылечиться., Михаил. У тебя. Помню, ранение в лёгкое, так?

– Да как же я буду валяться на койке, когда война?! Вы тут...Наш полк в тяжёлом положении...А я буду бока нагуливать? Нэт! – Магомед возмущённо округляя, как армейские пуговицы, орлиные глаза, ответил, берясь за солдатскую кружку: – Я воин, брат. Нэ мог я там оставаться. Чётно и ясно скажу...Вэришь, боялся, что полк наш бэз меня расформируют...где потом вас искать? Нас же осталось то...после Чижовки, кот наплакал.

– Это так... – мрачно согласился Воронов.

– Вот и я о том. Нэ выдержал и вернулся. Чтoб вместе фашистов бить!

Вэрно, Арсений Иванович?

– Давай за твою верность и выпьем, Михаил! – Арсений повернул широколобое, открытое лицо к новоиспечённому майору, сидевшему напротив за круглым столом.

Глядя на его мужественное, красивое в своей кавказской суровости лицо, отогнал негожие мысли о смерти, но что-то тревожно-враждебное, против его воли, вновь шевельнулось в его груди, больно кольнуло сердце.

– Ты чего так глядишь, брат? На мне узоров нет. Соскучился, что ли? – Магомед испытал замешательство под его внимательным взглядом.

– А, как ты, думал? Ну, давай, будем!

Они опрокинули кружки.

– Эх, крепка зараза-а! – Воронов крякнул, сырея белками глаз.

– Как Советская власть! Как слово товарища Сталина! – Магомед обтёр губы тылом ладони с такой тщательностью, как будто ему хотелось уничтожить и след своей позорной уступчивости – касательно выпитого.

– Что, вера мусульманская поперёк горла встала? – дружески усмехнулся комбат, жась в улыбке. Уж кто-кто, а он, больше года знавший Танкаева, прошедший с ним бок о бок не одну сотню огненных фронтовых вёрст, побывавший вместе с ним в зубах самой смерти хорошо знал...Магомед Танкаевич, высокий, широкоплечий горец, всегда вспыхивал факелом и спорил ожесточённо, если разговор касался достоинства – чести Кавказа, особенно Дагестана. Всю

сались с молоком матери и проросли сквозь каменную клетку его крепкого, как булат, тела горские, аварские традиции и устои. Он до мозга костей любил свой Дагестан, свою Аварию, свой Гидатль, свой родной аул Ураду. Везде и всюду старался соблюдать традиции горцев, если того требовала и заслуживала ситуация., обрушивался на обидчика, сверкая выпуклыми горячими, как огонь, очами.

Но право дело, это не были «бездумные, оголтелые всполохи горластого, базарного землячества», так сказать «слепого, бешенного зова горской души и клокочущей крови».

Праведный гнев и суровое командирское наказание могли быть равно обрушены и на горца из любого рода и племени, если только в нём гнездилась причина не исполнения приказа, нарушения воинской дисциплины или священного окопного братства.

Арсений искренне дорожил их фронтовой дружбой, которая не раз и не два прошла проверку «на вшивость» в жестоких боях, где у героя есть только одно лицо, а у труса – как блох на собаке. . . И эта неподкупная духовная позиция, эта бескомпромиссная ратная справедливость, эта врождённая порядочность, честность невольно завоёвывали сердца окружающих, знавших его по делам и поступкам людей, будь то начальство дивизии или его подчинённые.

Однако, при всей его жестокой, очень строгой требовательности по службе, Танкаев был совершенно другим вне её рамок. На привалах, за линией фронта или просто в перерывах между боями, когда солдаты у походных кухонь давали послабку нервам, оттаивали сердцами; когда над касками и пилотками плыл голубой дымок самокруток и папирос, звучал трофейный патефон или гармошка, его ровно кто-то подменял. Был он очень общительным и весёлым собеседником, опять же: хоть с офицерами, хоть с рядовыми стрелками. При сём был остёр на язык, любил поискрить горским юмором, а уж как в кругу, под плеск ладоней жёг лезгинку! Вах! И впрямь – порох с перцем. Настоящий джигит. Истинный сын гор. Орел, да и только!

Много интересного и поучительного можно было у него подчеркнуть. И бойцы, крепко любившие и уважавшие своего храброго «Абрека» в задушевных беседах с ним, бойко черпали эти познания, ей-ей, как кашу ложкой из солдатского котелка.

Бывалым ветеранам особенно нравилось в нём безупречная личная дисциплинированность – всё лыко в строку. Каждая пуля в цель. В делах военных, он не любил «толочь воду в ступе», всегда был, по-армейски точен и строг, как винтовочный выстрел.

Арсений Иванович если случалось «оконце» в батальонной путине, любил присутствовать на его служебных «летучках» со взводными офицерами. Задачи ставились лаконично, понятно и кратко. Легко и в радость было служить с таким командиром любому подчинённому, и потому он заслуженно пользовался в полку высоким уважением.

«Скажи на милость, и впрямь порох с перцем наш джигит, – удовлетворённо хмыкал в русский карниз усов Воронов. – Зазря требушить не станет, но если непорядок какой. . . враз в сукно закатает. – Оно, копает, как волк хориную нору. Знает службу. Устав от зубов отскакивает. Бравушки!»

На протяжении всей службы Магомед Танкаев неизменно проявлял присущие горцу мужские качества: смелость и оправданный риск, твёрдость духа и силу воли в любой обстановке, решительность, редкое, а потому особо ценное умение – предвидеть и доводить начатое дело до конца.

* * *

Разведённый один к одному колодезной водой спирт брал своё. Магомед хрустнул мослами пальцев, вольно выдохнул воздух, словно освободился от чего-то тяжёлого, давившего душу. Лёгкий хмель мазнул краской жесткие скулы, выпрямил мускул щеки, сведённый судорогой. В ушах его раздольными бубенцами разливались звоны, которые прежде состояли из какофонии моторов грузовиков, ржания лошадей, скрипа тележных колёс и грохота солдатских сапог. Неизъяснимо родным, тёплым повеяло на Магомеда от знакомых, застарелых запахов дома, которые цепко держала память. Щиплющий холодок покалывал окаём воспалённых

век, теснил грудь. Жадно вдыхая горький кизячный дым, залетавший в расколотое бомбёжкой окно, он мысленно будто проходил по узким и кривым улочкам родной Урады.

– Скажи на милость, пуста фляжка!..Вот засранец! Горохов, где бес тебя носит! Что ж ты, развёл, как украл?..Валерка-а!

Комбат Воронов раздражённо громыхнул пустой фляжкой об стол.

Нет ответа!

Арсений грозно поднялся с колченого стула, привычно одёрнул гимнастёрку; сунув большие пальцы обеих рук за ремень, провёл их от пряжки к спине.

– Ты погодь мальчика, Михаил. Налегай на картошку с тушёной, огурчики свежие похрусти с солью. . . Я живо. Покажу балахвосту кузькину мать. . . Это ж, надо! Развёл нам спирту, как родимцам в люльках.

Гремя каблуками, собирая чертей в узел, Воронов, накинув фуражку, вышел во двор.

Танкаев усмехнулся во след пыхтевшему, как самовар, комбату, расстегнул на горле душивший крючок, вытянул ноги. Ему было славно. Занозистый хмель подобрал ключ к сердцу и, накатываясь тёплой властной волной, разворачивал душу. В голове, сменяя друг друга, звучали их прежние разговоры:

– А помнишь, – с жаром подхватывал его Арсений и его моложавое лицо, обрамлённое седыми висками, преобразалось, в луговой зелени глаз загорелись золотые точки, словно отражение вечернего солнца. – Помнишь, как в 41-ом дрались за Клин? Как потом корячились, выводили полки из этой кровавой каши?..Моя артиллерия завязла в грязищи по самое не горюй. . . И тут ты со своим взводом. . . Ты ж. тогда был старлеем, взводным? Ну, да-а. . . И тут ты, как ангел-хранитель пришёл на выручку! Впрягся со своими бойцами. . . И по колено в грязи дотянули в ручную орудия до семёновских тягачей.

Надо ли говорить? Майор Танкаев отлично помнил вывод полков из-под освобождённого от фашистов города, как держал в памяти и каждый другой день войны, если он стоил большой крови и невосполнимых потерь.

А кровь тогда под Москвой лилась страшная, жуткая, снег и окопная грязь были красными от неё. Немцы остервенело рвались к Москве. По глубокому убеждению германского командования: «. . . восточный колосс готов был рухнуть под сокрушительными ударами Вермахта. Стальные жернова германского наступления перемололи первую, и, пожалуй, лучшую регулярную армию русских, с чудовищными потерями откатывавшуюся всё дальше и дальше на восток. И тут возникает логичный вопрос: какая ещё армия в мире смогла бы устоять после таких убийственных ударов, не приди ей на помощь бесконечные русские просторы, неисчерпаемые людские резервы и дьявольская русская зима?»³

Всё так, но надо помнить и отдавать отчёт в следующем. . .

К осени 41-го, т.е к началу операции «Тайфун», – Вермахт находился в зените своей боевой мощи. Это была лучшая в мире, великолепно обученная и проверенная в сражениях армия, во главе которой стояли прекрасно знавшие своё дело, военные профессионалы. На острие главных ударов

операции «Тайфун» действовали танковые корпуса, в которых бронетехника, моторизованная пехота, моторизованная артиллерия, сапёры и моторизованные, мобильные разведывательные части при мощной поддержке с воздуха самолетами Люфтваффе, – представляли собой единую смертоносную силу – железный кулак.

Да, «наступившая осень принесла с собой бесконечные проливные дожди, и океаны грязи заполнили дороги», – справедливо говорил генерал-фельдмаршал Гейнц Гудериан.

³ Вильгельм Кейтель, начальник Верховного командования Вермахта, был потрясён тем, что Советский Союз не только оказался в состоянии продолжать борьбу после операции «Тайфу», в которой участвовали 2-я, 3-я, 4-я танковые армии, а также три полевые армии, но и нанести армии Германии тяжёлый урон

Что правда, то правда. Дожди полностью расстроили великолепно отлаженную немецкую транспортную систему; особые трудности возникли с использованием колёсных механизированных средств. В течении недели всякое движение в зоне группы армий «Центр» решительно прекратилось.

Да, именно наступление «русской зимы» сделало для немецко-фашистских захватчиков проходимыми замёрзшие после осенней распутицы дороги. Однако тут же возникла новая проблема – изрытые колеями дороги оказывали самое негативное воздействие на подвески немецких автомашин.

Да, вопрос о том насколько серьёзное, «роковое» влияние оказала погода на ход операции «Тайфун», до сих пор является предметом яростных споров военных историков и аналитиков.

Да, резкое понижение температуры в декабре 41-го и снежные заносы, сильно повлияли на моральное состояние и здоровье находившихся на Восточном фронте немецких солдат. История повторялась... Суровые холода – морозы заставляли их, как и солдат Наполеона в 1812 году, судорожно искать закрытые убежища...

Всё так... Но, ведь, положительно со всеми этими сложностями столкнулась и Красная Армия. Её бронетехника, артиллерия, конница тоже не летали на крыльях. Не было ковров – самолётов и у её пехоты. А лютый мороз, продиравший до костей, так же равнодушно убивал советских солдат в снегах и стылых окопах, как и немецких, абсолютно не делая никакой разницы между воюющими сторонами.

Жестокие холода точно также принуждали и наших обмороженных бойцов искать укрытия, хотя в свою очередь позволили советской пехоте и коннице заходить за линию фронта и совершать дерзкие и отчаянные манёвры по окружению вражеских частей, которые прекратили поддерживать непрерывную линию обороны.

Между тем, самое серьёзное влияние «русские» морозы оказали на операции в районе канала Москва – Волга, где советским войскам посредством огромных потерь удалось осуществить прорыв на Клинском выступе.

И если уж говорить о тех факторах, кои всерьёз повлияли на провал операции «Тайфун» и последующее советское контрнаступление, то фактор погоды, следует подвинуть в сторону...

Главным фактором был, конечно, моральный и боевой дух наших солдат-офицеров; их невероятная самоотверженность, ошеломляющая неприятеля готовность русских умереть за Отчизну, восхищающий и пугающий одновременно массовый героизм, непоколебимая убежденность в своей правоте и яростное желание уничтожить врага, отбросить фашистов от любимой Москвы – решили исход дела.

Самым слабым местом группы армий «Центр» с начала кампании были организация снабжения и состояние линий коммуникаций. Она располагала всего двумя железнодорожными полками для восстановления разрушенных советских железных дорог. И, увы, очень скоро выяснилось, что эти полки явно не справляются с объёмом, выпавших на их долю работ, остро чувствовалась и нехватка профильной инженерной техники.

Другой проблемой была низкая эффективность немецких линий коммуникаций в Польше, обусловленная возникшей там ведомственной конкуренцией между службами, отвечающими за железные дороги, транспортные перевозки и складское хозяйство.

Однако, как не крути, а первый этап советского контрнаступления успешно завершился к концу декабря, когда войска группы армий «Центр» были отброшены от Москвы на всём протяжении фронта, хотя Калуга была освобождена 26 декабря, Вязьма и Ржев оставались в руках немцев в течение всей зимы. В ходе операции «Тайфун» группа армий «Центр» потеряла около 110000 человек, в том числе 25000 убитыми и 5000 пропавшими без вести. Особенно тяжёлый ущерб был нанесён в декабре 1941 года немецкой технике – 596 танков, 1460 артиллерийских орудий и миномётов, 800 противотанковых пушек.

Потери Красной армии во время операции «Тайфун» и декабрьского контрнаступления оказались ещё более чудовищными: Западный и Калининский фронты потеряли свыше 355000 человек – 38% от всего списочного состава. Несмотря на все советы – опасения Шапошникова и Жукова, Сталин потребовал, чтобы Ставка спланировала на январь новое наступление, в ходе которого следовало окружить и уничтожить в районе Вязьмы большую часть немецко – фашистских войск группы армий «Центр». Советское наступление в январе – марте 1942 года изрядно потрепало войска командующего группой армий «Центр» генерал-фельдмаршала фон Бока, однако линия обороны, отступавшего противника оказалась очень крепка, и поставленных целей достичь не удалось.

...Все эти дантевские круги ада Магомед Танкаевич знал не понаслышке. За 7 дней до начала Великой Отечественной войны, он закончил Краснодарское пехотное училище. Естественно, с первых дней войны оказался в действующей армии...

Вместе со своими воинами, – долгую и суровую фронтовую дорогу ЧИСТИЛИЩА, – прошёл он с боями. Будучи командиром взвода, роты, батальона, а на исходе войны командиром полка, он проделал овеянный порохом – славой боевой путь по многим фронтам.

От заката и до рассвета... Он в полной мере познал полынную горечь сводящих с ума отступлений... До мозга костей прочувствовал, что такое бегство, животная паника и безумство многих тысяч людей... Обречённо и молчаливо, как скот на забой, исступлённо бредущих в солнечном блеске... Омертвевшие от усталости, страха и зноя, качающиеся и падающие, жадно, в драку, осушающие грязные, зловонные придорожные канавы и лужи, когда в раскалённых зёрнах зрачков виделось больше, чем смерть, чем ужас смерти...

Тогда летом 41-го, он впервые почувствовал это, когда их разгромленная дивизия – шла двенадцать часов непрерывно, не останавливаясь, не замедляя хода, не подбирая упавших, раненых и оставляя их врагу, который сплошными, моторизованными колоннами и бронированными армадами быстро двигался сзади них и через три-четыре часа стирал следы их сапог гусеницами и автопокрышками своей бронетехники...

От рассвета и до заката... Познал он и огненный шквал бомбардировок, и ревущую дрожь земли, и чёрное солнце в ртутном плазменном небе... И свирепую жестокость атак, и дикую, звериную лютовость рукопашных схваток, когда глаза в глаза, ножи в ножи... И терпкую, истеричную радость побед, и жуткие, на оголённых нервах солдатские стенания – хрипы над убитыми фронтовыми товарищами...

И не мудрено. Его первое боевое крещение произошло на Украине, в районе Белой Церкви, потом сражение за Смоленск, битва за Москву, затем Воронежский фронт и Сталинградская битва, следом Огненная Дуга-Курская битва, потом Корсунь-Шевченковская операция, освобождение узников Освенцима, снова жестокие бои на Сандомирском плацдарме в Польше, бои за Прагу – таковы ратные вехи боевого командира Магомеда Танкаевича

* * *

...Пока комбат отсутствовал, а на губах ещё горел горький спирт, он мысленно облетел все их совместные фронтовые дороги, армейские лазареты и морги, все горящие колонны и взорванные заставы, брошенные вдоль дорог и в полях кладбища искорёженной, обгорелой техники. Как бред, промелькнуло и кануло: багряный закат... Санитарная повозка, с разметавшимся на ветру чёрным конским гривьём, мчится в ржаво-охристой пыли, откосы холмов кудрявятся взрывами шрапнели... И кто-то простроченный автоматной очередью умирает в муках под дырявленным сводом пыльной парусины... И, быть может, последнее, что видят его глаза алый клоч дымного неба, низкое багровое, хмурое и злое, словно с похмелья, солнце и лёгкий абрис испуганного лица молоденькой санитарки...

– Потерпи, родной! Да не умирай же!.. Скоро уже будем... Скоро-о, только не умира-ай!!.

Бешено скачут кони... Красным раскалённым углём пылает солнце, зажигает воздух и превращает его до горизонта в огненную золотистую пыль. Багровым налётом покрыта впе-

реди лента дороги, на которой каждый камень и куст отбрасывает языкастую чёрную тень. И золотисто-красным ореолом светятся волосы девушки, пронизанные солнечными лучами. Но ничего этого уже не видит остекленевший, остановившийся взор...

Глава 5

Отто хорошо помнил: тогда же, в один из поздних вечеров, в их загородном, родовом особняке, в кабинете отца, за закрытыми дверями, у него произошёл сложный, но доверительный разговор с ним.

Старый барон Альбрехт Ганс Фридрих фон Дитц, по-домашнему, в халате, расположившись у камина, сказал:

– Отто, мальчик мой, будь добр, присядь и выслушай старика отца. Век мой подходит к концу...

– Отец! – он нервно усмехнулся, ноздри его трепетали. – Ты же знаешь, я не терплю, когда ты заводишь разговор на эту тему...

– Значит, потерпишь! – потребовал вдруг отец. – Не перебивай старость, сынок. Она, как и смерть, неотвратима... с ней не поспоришь. Но сейчас не об этом! Ты молод и жизнь твоя, и карьера – всё впереди. Потому я обязан предостеречь тебя, дать напутствия и сказать то, что должен.

Отто молча, пересёк кабинет, слабо освещённый люстрой с электрическими свечами, и остановился у камина, в котором потрескивали поленья, объятые оранжевой вуалью пламени. Старый барон сидел в кресле, ноги его были укрыты шотландским пледом в крупную сине бордовую клетку. Рядом стоял полированный красного дерева стол, в котором как в чёрном зеркале, отражались языки пламени камина. На столе мерцало серебряное блюдо с крупными зелёными яблоками, рядом благородно сверкало фамильное столовое серебро. Хрустальный четырёхгранный штоф, до половины наполненный тёмным, как гранат, вином, стоял по соседству с серебряным кубком. Оба сосуда отсвечивали золотыми бликами бойкого пламени камина.

– Слушаю тебя, – присаживаясь в кресло напротив, почтительно сказал Отто.

Старик налил ему вина, но не ответил. Потом, продолжая хранить паузу, устался на рубиновые поленья, потрескивающие в багровой пасти камина.

«Что задумал отец? Какого чёрта тянет? – не понимал он. – Ох, уж мне эти завивы да выходы... в старинном духе. Не как не уймётся...»

Отто пригубил вино и вновь беспокойно спросил себя, зачем он тут. Вдруг поднял голову. Родитель пристально смотрел на него. Его сухое, изборождённое морщинами аристократическое лицо находилось на границе темноты – света камина и это лицо отца – бледная кожа, седые волосы... Красные сосредоточенные глаза, в блестящих зрачках которых, отражались рыжие искры.

– Ладно, время не ждёт, – надтреснуто сказал, наконец, он.

– Тишина эта мне знакома... Она перед бурей. Но скажи, о чём ты думаешь, сын?

– О чём и ты, о «ночи длинных ножей»... Фюрер сделал это...

– Это сделал не Гитлер, – резко отрезал барон. – Да, он глава нации и властитель дум... Но, имел ли он власть над произошедшим? Убеждён, им руководило нечто сильное и дикое...

– Ах, перестань! Умоляю, отец, – с досадой протянул Отто. – Вредная тема, мне надоело слушать эту ересь, когда наш дом полон гостей... Но сейчас мы одни, и, право, я хочу, чтобы ты позабыл о существовании мира духов. Твой спиритизм, признание жизни «духов» умерших и возможность общения с ними через посредство медиумов... в роли коих выступают отпетые шарлатаны и цыганская нечисть...

– Ты мне не веришь? – грозно и требовательно спросил отец.

Он промолчал, но лишь из такта и уважения к сединам отца.

– Пусть так... Но Богу, ты молишься?

– Причём тут Создатель? – Отто вскинул брови, с нескрываемым удивлением, глядя на отца. – Конечно, да. Но это... совсем другое дело.

– Разве? Без Тьмы нет Света. Без Зла – Добра. Подумай ещё раз, сынок. Вспомни, в чём ты мне признался сам... Ты играл в покер, не так ли? Ставки были высоки, это было в нашем доме, ну, вспоминай! Две-три недели назад. Меня навестили старые друзья из Баварии... Ты играл против некоторых весьма богатых и влиятельных людей.

– Я помню. Баварский министр юстиции Гюртнер с женой, герр полковник Россбах, генерал Зейссер... и что же?

– А помнишь, последнюю сдачу? Я видел, – барон утвердительно кивнул головой, – ты, мальчик мой, закрыл на секунду глаза, ведь так? И только потом взял последнюю карту.

– И?... – Отто был поставлен в тупик.

– Какому духу, ты, молился тогда?

– Я...я...Ах, вот ты о чем? – Он сдвинул подлокотники кресла, словно был на допросе в гестапо, и вдруг рассмеялся. – Суший пустяк. Я попросил удачу у духа Зигфрида, чтобы он послал мне туза. Но это совсем другое. Прошу прощения, я, один шут, никак не возьму в толк, к чему ты клонишь?

– А теперь слушай, мой мальчик! – глаза старого барона сузились, голос заговорщицки стал тих. – Знаешь ли ты, кому поклоняется наш вождь?

Они оба, не сговариваясь, посмотрели на большой портрет фюрера, верноподданнически висевший на каминной стене. Фюрер на сём броском полотне, написанный маслом, широким, атакующим мазком, – был убедительно хорош: решителен, негиблемо крепок, с неистовой одержимостью в стальных глазах, словно демонический рыцарь, готовящийся к битве.

Сверхъестественно! Но, Отто мог поклясться хоть на Библии, хоть на крови... В этот момент, внезапный порыв ветра сотряс высокие стёкла кабинета... Ворвался через открытую фрамугу, взволновав тяжёлый бархат портьер, и швырнул ему в лицо пригоршню колючей пыли, принесённой из, Бог весть, каких неведомых краёв. Эта горькая пыль пахла далёкими пожарищами, кровью и чем-то ещё едким, удушливо острым, напоминавшим не то запах уксуса, не то перегоревшего пота. Но за мгновение до этого, как порыв ветра коснулся его скулы, ему почудилось: он услышал властный – командный голос, далёкий и холодный, словно северный ветер, дующий сквозь его душу. И ветер этот шептал всего несколько тихих, но яростных слов: «Один народ, одна Империя, один фюрер! Следуй за мной, во славу Тысячелетнего Рейха!» Затем откуда-то донёсся шёпот, и он был почти уверен, что услышал ледяной смех.

– Отто! – Он вздрогнул от неожиданного раздражённого окрика, нахмурился и с недоверчивым напряжением посмотрел на отца. – Ты полагаешь... – слова застревали в горле. – Ты думаешь... Наш фюрер поклоняется... дьяволу?

– Да! Тысячу раз да! Зверю...

– Вздор! – высокие скулы Отто негодуяще вздрогнули. – Он мистик... возможно... Но не более, чем я или ты. Поверие, повальное увлечение... Сейчас это модно в Европе. Гесс, Гиммлер, Геббельс – все они тоже верят во всевозможную древнегерманскую, тибетскую и прочую мистику.

– Замолчи! Я чувствую над всеми нами навис жуткий и страшный рок. Да будет тебе известно, что кроме оголтелых штурмовиков, вроде головорезов Рема, боевых союзов Крибеля, Гофмана и Мульцера... в «Ночь длинных ножей» были вероломно убиты и многие высокопоставленные, преданные Германии генералы... А так же гражданские политики, которых фюрер счёл опасными для себя, а потому – «лишними». Некоторые из них были мои товарищи... Некоторые из них бывали у нас в гостях, и ты, мальчик мой, был представлен мною им лично.

Эти откровения отца взволновали Отто, даже потрясли, но... не поколебали его убеждений. Он был очарован фюрером. Гитлер был для него кумиром, им оставался, и потому он готов был оправдать любые действия вождя, – будь они даже с подачи самого Сатаны.

Что ж, об Адольфе Гитлере кто только не говорил, как о «безумце» – вероятно потому, что большинство людей в состоянии были представить себе, что логика Зла может быть чем-то иным, а не субпродуктом психического отклонения.

Однако, Отто фон Дитца, как и миллионы других немцев ничуть не занимала пустоপরোজন্য полемика между «высоколобыми умниками» по обе стороны Атлантики, а именно: до какой степени простиралось, так сказать, «безумие» вождя нацистской Германии, и какую часть совершённых им «злодеяний» можно отнести на счёт патологий – физических и душевных. «Так кто вы, мистер Гитлер?» «Сумасшедший или просто воплощение Зла?»

– А может всё таки гений Зла? – проиронизировал в адрес «янки» и «бобби» молодой барон. – Эй, кто там, из лукавых евреев придумал, что гений и злодейство – несовместимы?! А так же, чёрт возьми, тогда быть с гением Наполеона?.. И звериной жестокостью его храбрых солдат, вроде незабвенного Шовиньи⁴? И что, вообще, такое «зло» на войне? Удача, победа, триумф? Нет, господа, что ни говори, а из хищных, животных инстинктов человечества, сколько не юродствуй, не бейся, – не сделать гуманный псалтырь милосердия. Верно, сказано: «Вся история мира – это история войн». И фюрер прав в своём утверждении: «Культура нации – это негаснущая любовь к войне, победе, величию и славе, как страсть к любимой женщине. На этом стоял Рим Цезаря, на этом будет стоять и Рейх фюрера!»

... Что ж, пугающие откровения отца, конечно, оставили след в душе сына, но не убедили.

– Опасные... крайне опасные речи, отец! – Отто хищно усмехнулся, и в глазах старого барона загорелись искры гнева. – Вот и я о том! Среди них, Отто, мог быть и твой отец... Клянусь памятью твоей покойной матери... Я никогда ещё не ощущал такой энергии Зла, как та, что ворвалась в наши ряды... и прокатилась по всей Германии, в ту злополучную ночь. Добро было уничтожено Злом. Эта энергия Тьмы отmelda светлых, доброжелательных духов, словно мух!

– Да что с тобой, отец? Ты говоришь, как язычник. Довольно химер!

– Именно эта чудовищная сила, вопреки всему вывела Гитлера на олимп власти, и именно она... управляла им, когда он отдал этот чёрный приказ... Он продал душу Сатане, а это...

– Прекрати! – резко потребовал Отто. – Ради всего святого, опомнись!

Лицо отца окаменело. Несколько секунд он смотрел на него своими воспалёнными, налитыми сильнейшей тревогой глазами, потом откинув плед с колен, тяжело поднялся.

– Прости, я не хотел расстроить тебя, мой мальчик. Ты знаешь, как я люблю тебя... бесконечно люблю. Но я хотел, чтобы ты знал правду. Хотел предостеречь тебя... Кто предупредён, тот вооружён...

– Ради Бога, перестань же!

– ...тот кровавый шабаш... То, что произошло прошлой ночью разбило все наши надежды Германии. И я боюсь, как бы она не была брошена в жертву, на алтарь этого безумца.

– Но, ведь, ты сам, отец, восхищался им... А твои деньги, отец?! Ты, жертвовал их на НСДАП немало...

– Я был слеп, Отто. Но каяться поздно. Антихрист среди нас. Нам всем следует молить и просить Господа... Чтобы Он спас Германию от катастрофы! От падения в бездну, на край которой её поставил этот Адольф... На этом всё. Я сообщил тебе эту правду, я сделал то, что должен был сделать.

⁴ Шовинизм – образовано по имени французского солдата Chauvin – ярого поклонника жестокой завоевательной политики Наполеона, – реакционная политика преследования, травли, геноцида других народов; разжигание нац. вражды и ненависти.

– И эта «правда» сделает нас лучше, решит все беды Германии и её несчастного народа?.. – Отто широко улыбался. – Что-то подобное я уже слышал и раньше... Да только проку от этого было пшик.

– Решать тебе, Отто! – в голосе отца слышалось предельное напряжение. – Ты, можешь шутить в пивных со своими болванами, можешь корчить рожи перед зеркалом, менять голос и до дури маршировать по улицам с молодчиками из СА, и пусть они думают, если у них есть мозги, что ты живёшь тем же, чем и они. Но не надевай на себя бесовскую личину передо мной! Приходит время, когда наступает конец всем шуткам. Смех умирает. И тебе приходится смотреть на мир без фальшивых очков, видеть его таким, каков он есть на самом деле. И помни: делай не то, что сердце велит, а то что разум приказываю Ты всегда радовал меня. Отто. У тебя светлая голова. У тебя благородные предки... Помни мои слова и держись праведной дороги. Будь осмотрителен и да хранит тебя Небо.

«Тысяча залпов чертей! От какой катастрофы, ты, предостерегаешь меня? О каком пристанище Зла и астральных духов, ты, говоришь?!» – хотел в ярости крикнуть он.

Но отец уже отвернулся. По-стариковски медленно, но с достоинством он пересёк кабинет и, словно растворился в сумраке. Он услышал слабый звук затворившейся двери. «Бог мой... Не дай мне дожить до таких лет... Отец совсем выжил из ума. Вот в чём проблема старости... Антихристы, шабаши, ведьмы... А как же чеканная проповедь фюрера? «Ненависть к врагам Рейха, возведённая до безумия – есть спасительная истина нации!»

– Prost! Prost! Prost!⁵

Он резко встал. В смятении, охваченный внутренним огнём, пересёк кабинет, где на огромных многоярусных стеллажах стояли тысячи книг, а проёмы стен между ними украшали рыцарские мечи и доспехи. Но у самых дверей задержался, ровно кто-то невидимый положил ему на плечо тяжёлую, как свинец, руку. Он резко обернулся – никого. Но та же незримая сила заставила его поднять голову. Адольф Гитлер смотрел прямо на него и в его стальных глазах, как ему показалось, теперь ревел и бушевало пламя. Взор фюрера прожигал его череп насквозь. Он насилу отвёл взгляд в сторону, даже мышцы шеи внезапно пронзила судорога, словно кто-то зубьями пилы провёл по его сухожилиям. Ему вдруг стало нестерпимо жутко... И тяжело

было снова поднимать глаза на вождя. Но когда он всё же взглянул в его глаза, ему показалось – портрет ожил! И, что в центре мозга фюрера кипит яростный котёл.

Отто судорожно вытер со лба холодную испарину. В ту минуту ему хотелось завить от ужаса, который сковал его по рукам и ногам. Челюсти болели и ныли от усилия, но вместо животного крика, что рвался из глотки, он вытянулся, как туго натянутая рояльная струна, щёлкнул по-военному каблуками и, вскинув руку в приветствии, громко выкрикнул:

– Хайль Гитлер!

И вдруг опять слух ранил тот далёкий узнаваемый, но теперь, несомненно, ставший ближе, железный голос, который изрёк:

– Отбрось все страхи и сомнения, Отто! Отныне я твой крёстный отец, мальчик мой. Выше голову, крепче шаг! Мию принадлежит молодым, Отто фон Дитц. Знаю, из тебя отольётся славный, настоящий рыцарь Третьего Рейха. Следуй за мной, никого не слушай и помни: границы Великой Германии – на острие её мечей и штыков. Наши железные легионы собьют с копыт любую армию мира и повергнут её в пыль. Клянусь чашей Грааля, ты, ещё омоешь свои сапоги во всех океанах! Миллионы рабов склонят головы перед штандартами непобедимого Вермахта. Мы – властители мира, и он, по-праву сильнейшего всецело будет принадлежать только нам, наивысшим и достойнейшим из всех рас на земле – ариям!

⁵ Грязное ругательство (нем.)

Он был потрясён до мозга костей. Но невидимый телепатический канал, соединявший их, не отпускал его ни на секунду, а слова фюрера, гремевшие в его сознании теперь, как раскаты грома, пульсирующими толчками наполняли его самоё огромной силой и тайной энергией. И не было в его душе больше сомнений, ненужных вопросов, но была железная воля, невероятная крепость и непреклонная вера. Его немецкая душа, ещё недавно оскорблённая, немощная, горящая над участью любимой Германии, теперь утвердилась, восстала, слилась в единый железный кулак с другими тысячами душ, верящих в фюрера, в новый порядок Третьего Рейха. Их огненная вера была под стать пылавшей смоле факелов, в руках легионеров СА и СС.

И теперь в симфонии происходящего он слышал уже не один свой голос, не сотни, не тысячи, но миллионы голосов, которые в свете грандиозных факельных шествий, как совершенный настроенный механизм, под иступлённый клич команд и приказов, взрывоподобно скандировали:

- Зиг!
- Хайль!
- Зи-иг!!
- Ха-айль!!
- Зи-и-иг!!!
- Ха-а-айль!!!
- * * *

...Весь в себе, погружённый в водоворот былого, он даже не обратил внимания на Вейса, который поставил перед ним дымящуюся чашку ароматного кофе.

...В 35-ом Альбрехт Ганс Фридрих фон Дитц почил в бозе. Старый барон был похоронен вместе с женой в каменном склепе, со всеми должными почестями на их родовом кладбище. А он, в том же году с отличием закончил берлинский политехнический университет, факультет машиностроения. Безусый юнец, которому впервые пришлось самостоятельно отмечать своё 19-летие в Берлине. Слез особых не было. Но горько и больно на душе было, словно от сердца Отто, откусили кусок... Только тогда он осознал, сколь многим обязан родителям, которые подарили ему счастливое детство и юность! Ещё недавно он хотел посвятить себя инженерному делу или стать заправским автогонщиком, почему нет? Но потом, с головой окунувшись в ряды штурмовиков – коричневорубашечников, резко передумал. По совету старших товарищей из СА, знающих толк в «нацистской кухне», он пошёл добровольцем в армию по перспективной специальности «противотанковые самоходные установки».

Дело в том, что к этому времени в милитаристской Германии стали формироваться воинские единицы СС: звенья (роте), отделения (шар), взводы (групп), роты (турм), батальоны (банн), полки (штандартен), бригады (бригаде), а перед войной и в ходе её даже дивизии и корпуса.

После «Ночи длинных ножей» СС «за особые заслуги» были выведены из состава СА и стали самостоятельной структурой НСДАП, к этому времени они к тому же были наделены правами вспомогательной полиции.

Отличие от СА, куда, по сути, мог записаться без хлопот любой желающий, особенно если он обладал бычьей шеей, бицепсами и чугунными кулаками, то с СС кандидатов отбирали особенно тщательно (позднее с этой целью были созданы даже специальные школы). Основными критериями отбора здесь служили расовая чистота, крепкое здоровье, атлетическое сложение, образование и абсолютная – безграничная преданность лично фюреру Адольфу Гитлеру. Кандидат в солдаты эсэсовских частей обязан был представить документы, доказывающие его арийское происхождение до 1800 года; претендент на офицерский погон – до 1750-го.

Как Бог свят! Членство в СС обеспечивало успешную карьеру на любом поприще. Постепенно едва ли не все партийные бонзы и государственные чиновники высшего эшелона стали

обладателями эсэсовских званий, хотя никаких должностей в структурах собственно СС не занимали.

... Прекрасно понимал эту «карьерную казуистику» и Отто фон Дитц. Но главное и определяющее, – он – с его родословной, с его известными родителями, с его высшим техническим образованием и внешними данными истинного арийца подходил для служб СС – исключительно. Тем похвальнее было рвение молодого, вчерашнего выпускника университета – Отто фон Дитца записаться добровольцем в войска СД, с немецкой скрупулезностью, изучавшее личные дела новобранцев.

Гитлер не ограничился созданием собственных вооружённых сил – отрядов СС. Так, ещё до прихода нацистов к власти, «Человек в пенсне» – Генрих Гиммлер начал по его указанию формировать и личную политическую полицию фюрера. Первоначально в СС появился немногочисленный отдел под кодовым названием ИС. В августе 1931 года его реорганизовали в службу безопасности – «зихерхайтдинст», или сокращённо СД. Её организатором и руководителем вплоть до своей гибели весной 1942 года был высокий стройный блондин с тонкими чертами несколько асимметричного лица, спортсмен, один из лучших фехтовальщиков Европы, и великолепный скрипач – Рейнгард Гейдрих, которому тогда исполнилось всего тридцать семь лет. Американская внешняя разведка окрестила его «прирождённым интеллектуальным гангстером». Примечательно, что в недрах самого СД, шеф РСХА обергруппенфюрер СС Рейнгард Гейдрих получил прозвище «Падший ангел».

Именно его люди в военной комиссии, среди прочих «ручьев» добровольцев, сразу отметили и отложили в отдельную папку заявление молодого барона.

Расчёт «белокурой бестии» – Отто фон Дитца, удался на славу, после чего он вступил в СС и быстро продвинулся.

К 38-му году он был группенфюрером СС и командовал танковым взводом.

В 41-ом году он был под началом генерал-фельмаршала Роммеля «Лиса пустыни», будучи в 15-ой танковой дивизии (которая в альянсе с 21-ой являлись основной ударной силой легендарного Африканского корпуса в течение всей войны в пустыне), – он уже возглавлял танковую роту, и являлся по классификации воинских званий СС – соответственно штурмфюрером. За личное мужество и отвагу, проявленные в боях с британцами; за 14-ть подбитых танков врага его экипажем, он был отмечен лично Эрвином Роммелем, повышен в звании сразу через одну ступень, и награждён Рыцарским крестом с дубовыми листьями, который отменно смотрелся на его парадной форме в сочетании с Железным Крестом I класса и с серебряным боевым знаком танкиста.

К этому времени немецкая армия уже оккупировала спешивую Польшу беспрецедентным победным маршем. Пала гордая Франция, ощутив парализующую мощь ударов Вермахта.

... Покидая Африканский корпус, штандартенфюрер СС Отто фон Дитц рассчитывал на заслуженный отпуск. Настроение было «чемоданное» и он с нетерпением ожидал приезда в Берлин, в родительский дом, за содержанием коего следил преданный их семье, бессменный управляющий Герт Вальденмейр. Но, чёрт в костёр! В самый канун его вылета в Германию, пришла срочная радиограмма, объявлявшая о безотлагательной переброске его и ещё нескольких офицеров из командирского состава в 500-й учебный батальон.

– Собычьи уши! Scheibe! Endmadig! – не скупясь на отборную ругань, костерил он и в хвост и в гриву штабное начальство. – Меня, боевого командира, с фронтовым опытом и переучиваться?! Уж лучше сразу отправьте под пули... Вот и накрылся медным тазом твой отпуск! Endgeil!

Разочарованный, уязвлённый приказом «тыловых крыс», он гадал, чему ему следует переучиваться...

Их сборная офицерская группа прибыла в Путлос с убеждённой уверенностью, что им придётся пройти ещё один усложнённый формальный курс артиллерийской подготовки. Но так они

думали ровно до тех пор, покуда по прибытии в штаб не узнали, что именно офицерам – танкистам с боевым опытом с разных фронтов надлежит здесь обучение на танке нового типа – «Тигре». Новость разнеслась, как огонь пожара, однако никто ещё не знал о чём-либо конкретном. Но это было уже кое-что, обнадеживало! Дело в том, что офицеры, прибывшие с Восточного фронта, говорили в один голос: «Русские широко используют мощные противотанковые ружья, которые, как сыр, дырявят нашу броню. Потому потери очень велики».

Нет, это не было паникой, но это было суровой правдой. Многие их товарищи получили в своих танках смертельные ранения, а тяжелораненых приходилось срочно эвакуировать.

Вскоре их группа была отправлена в Падерборн, – место расположения 500-го учебного батальона, на который позднее была возложена ответственность за все подразделения с «тиграми» и «пантерами». Что ж, новые машины оправдали надежды танкистов. «Тигр» выглядел грозно, мощно и откровенно радовал глаз. Его толстая броня компенсировала отсутствие скошенных форм. И если даже он не был красавцем, его запас прочности воодушевлял. Он и впрямь ездил, как автомобиль, и было одно удовольствие управлять этим 63-тонным гигантом мощностью более 700 лошадиных сил.

Двигатель объёмом 22 литра лучше всего работал при 2600 оборотах в минуту. Мощная башня легко поворачивалась при помощи гидравлической трансмиссии на 360 градусов за 60 секунд. Таким образом, обеспечивалась чрезвычайная точность прицеливания. И опытному наводчику не требовалось, потом доводить вручную.

При наличии у пушки электрического спуска – легкого нажатия пальцем было достаточно для того, чтобы произвести выстрел. За счёт этого удавалось избежать неизбежного рывка при производстве выстрела.

Самыми опасными противниками в России были танки «Т-34» и «Т-34-85», которые были оснащены длинноствольными 76,2 и 85-мм пушками. Эти боевые машины представляли для лёгких немецких танков опасность уже на расстоянии 600 метров с фронта, 1500 метров с бортов и 1800 метров с тыла. Если «тигр» попадал в такой танк, то мог уничтожить его с 900 и даже 1000 метров новой длинноствольной 88-мм пушкой.

А это отбрасывало ощущение незащитности, которое было, охватило по-первости немецких танкистов. Это был яркий проблеск надежды на возможность обрести новые силы, который так часто появлялся во время войны в России. Уверенности в танковых частях прибавилось, когда на Восточный фронт из глубокого тыла, стали поступать и первые танки «Т-IV» с 75-мм длинноствольным орудием, танки «Т-III» с более толстой бронёй и 50-мм длинноствольным орудием.

Между тем, экипаж «тигра» состоял из пяти человек. 88-мм пушка, два пулемёта, полуавтоматическая трансмиссия и 700-сильный двигатель довершали внушительный облик 63-тонной бронированной машины.

88-мм пушка была такая же, как и та, что блестяще проявила себя в зенитных подразделениях. Её также взяли за основу, но при ещё более длинном стволе в новых противотанковых орудиях. Вскоре всем им предстояло подвергнуть новый танк тяжёлым испытаниям в бою.

В полностью оснащённой «тиграми» танковой роте было 14 боевых машин. Их огневая мощь, таким образом, превосходила боевую мощь целого зенитного батальона (3 батареи по 4 орудия в каждом). Затраты на производство одного «тигра» доходили до 1 миллиона рейхсмарок. По этой причине было сформировано ограниченное количество батальонов сверхтяжёлых танков. Стать командиром такой роты, а тем более батальона, значило взять на себя огромную ответственность... И Отто фон Дитц прекрасно в этом отдавал себе отчёт. С первых дней своего пребывания в учебном лагере, он вкладывал душу и сердце в выполнение своих обязанностей. И после нескольких усердных, откровенно тяжёлых месяцев подготовки, ему удалось добиться больших успехов, обогнав других командиров рот из их учебного батальона. В ходе учёбы и тактических учений, огневой подготовки, вождении, – в его подразделении было меньше. Чем

у других технических неполадок. Впрочем, трудности с этими монстрами, к которым танкисты относились с особым чувством, похожим на любовь, начались раньше ожидаемого срока. Что тут скажешь? «Тигр» был тяжеловесом среди боевых машин Вермахта. А с тяжеловесами всегда было непросто.

Прежде чем погрузить танк на платформу, гусеницу для бездорожья приходилось заменять на более узкую. В противном случае она вылезала по бокам платформы и представляла угрозу для встречного движения. Для транспортировки по железной дороге были сконструированы специальные шестиосные платформы. Они могли перевозить 80 тонн и следовали с каждым батальоном в тот или иной район боевых действий. Для того чтобы не создавать опасную нагрузку на железнодорожные мосты, по меньшей мере четыре других грузовых вагона должны были находиться между двумя платформами с «тиграми».

...В 500-ом учебном лагере танковые роты набирались опыта, как экспериментальные подразделения в северном центральном, и южном секторах Восточного фронта с начала 1942 года. После формирования и укомплектования все они должны были последовать к месту дислокаций их дивизий и корпусов.

Ударно-штурмовой танковой роте фон Дитца, состоявшей из «тигров» и доведённой более лёгкими танками «Т-IV» и «Т-V», – числом до батальона, следовало прибыть в район Воронежа.

Однако сначала ему пришлось отправиться на запад, в Плоэрмель в Бретани, для полного укомплектования своего подразделения. Батальон был направлен в заброшенный замок. Командир батальона и командиры рот, вместе со своими заместителями автоматически получали по прибытии жильё в городе. Но Железный Отто предпочёл разместиться вместе со своим, на две трети укомплектованным батальоном. По опыту в Северной Африке он знал: ему необходимо было познакомиться с каждым командиром экипажа в отдельности, притереться, найти общий язык, если они собирались вместе идти в бой, на смерть, в огонь и в воду... Он знал, танкисты и днём и ночью держали его под дозором, а потому ни один его поступок не оставался незамеченным. Но Отто сознательно пошёл на этот шаг и посему с охотой и, как само собой разумеющееся, воспринимал все неудобства, с которыми приходилось сталкиваться в затхлых, заброшенных помещениях их средневекового замка.

Веселье началось, как только они въехали и стали на постой. Им пришлось засучить рукава и приводить в порядок старые конюшни, прежде чем помышлять о том, чтобы там жить. Во многих помещениях не было ни деревянного пола, ни половых досок. На первое время фон Дитц хотел достать хотя бы тюфяки набитые соломой и одеяла для своих людей. Но это оказалось весьма не простым делом. Ни какие призывы и обращения к фермерам и местной администрации толку не имели. Куркули – французы, словно договорились держать круговую оборону и хранили обет молчания, не обращая внимания даже на деньги гитлеровских оккупантов.

И тогда Железный Отто, со свойственной ему решительностью и немецкой прямоотой, пошёл ва-банк. Плюнув на все условности предписаний гауляйтера Бретани – соблюдать офицерам Рейха дисциплину и такт в общении с местным населением, он нагрянул в компании двух «тигров» в мэрию Плоэрмеля.

Без проволочек, оцепив по периметру здание муниципалитета, расставив на всех трёх этажах своих автоматчиков в касках, он пинком сапога открыл двери в кабинет мэра месье Луи де Лорана.

Ошарашенный таким непотребным – возмутительным визитом, тот наливая жаром складки затылка, недовольно поднялся из кресла:

– В чём дело?! Кто вы?! – на плохом немецком вспылал он.

– Твоя судьба, говнюк, – с ласковой ненавистью усмехнулся фон Дитц, его бесила эмоциональная тупость и самонадеянность мэра.

– Я буду жаловаться... гауляйтеру Коху!.. – попытался угрожать Лоран. Но, наткнувшись на каменное лицо и ледяной нордический взгляд штандартенфюрера СС, осёкся и оскорблено буркнул под нос:

– Это может плохо кончиться, герр полковник.

– Хорошее гнёздышко у тебя, будь я проклят. А за окном война... Шикуюешь. Значит, карман позволяет. Одобряю. Мне нравятся крепкие люди, вроде тебя толстяк.

– У нас так не положено... Вы, вы... нарушаете все допустимые нормы дозволенного! – вновь возмутился мэр, но в голосе его не было уверенности. В правой тумбе стола, в верхнем ящике, у него вместе с лекарствами лежал револьвер, но что бы достать его, ему необходимо было выдвинуть ящик, а внутренний голос предостерегал его от этого.

– Но позвольте, – Лоран, с трудом взяв себя в руки, вышел из-за стола. – Подобные визиты... мы не очень жалуем в наших краях.

– Я тоже не очень люблю говноедов! – холодно заметил штандартенфюрер. – Заткнись! У тебя дряблые ляжки соревноваться со мной. Вижу, вы все тут... в тайне... живёте наивной мечтой о возмездии, о реванше... – хищно усмехнулся Отто. – Так его не будет. Как видите, пресловутая линия Мажино не оправдала надежд Франции, Бельгии, Нидерландов... Но судя, по вашему ретивому норову, вас мало жгли и давили танки Гудериана, Манштейна и Герда фон Рундштедта. Но так, это легко исправить, всё в наших силах. В кабинете мэра повисла свинцовая пауза.

И то правда... В последний раз германские солдаты вторглись во Францию в 1914 году, их первый удар почти достиг Парижа. Но они были отброшены и вынуждены терпеть четыре кровавых года окопной войны.

Теперь же Вермахт сумел сломать хребет вражеского сопротивления в Европе за одну неделю! Блицкриг Адольфа Гитлера ошеломил мир. По прошествии менее двух недель англичане были вынуждены с позором эвакуироваться своих солдат, а Франция была оставлена на милость фюрера. Унижение Германии 1918 года было с лихвой отмычено, и это совершилось благодаря превосходной стратегии Гитлера, но не Генерального Штаба.

...Последнее замечания эсэсовца было сказано почти походя, словно он имел ввиду, что не слишком любит специфический привкус французского пива, но в то же мгновение по кабинету словно прокатилась волна электричества. Глаза месье Луи Лорана от гнева едва не выскочили из орбит, а полукружья пота на белой рубашке под мышками увеличились в радиусе.

– Я бы попросил! – багровые скулы главы муниципалитета мелко задрожали, как клыки матёрого секача.

Но фон Дитц, бесстрастно глядя в глаза, холодно усмехнулся:

– Просить будешь у жены под одеялом, толстяк. Видишь, вон того малыша? – Отто бесцеремонно подтолкнул остолбеневшего мэра к окну, из которого был прекрасно виден 63-тонный монстр с бледно-чёрными крестами не броне, огромный 88-мм ствол которого бездонным аспидным провалом прямой наводкой грозно взирал на Лорана.

– Ну так вот, господин мэр, – спокойно продолжил фон Дитц, окинув вконец присмирившего толстяка критическим взглядом. – Как вам известно, мой батальон скоро будет отправлен на Восточный фронт. Я планировал испробовать ударную мощь этого малыша сперва на русских свиньях. Но теперь вижу, – погорячился. Лучше, чёрт побери, испробовать сначала на вас.

– До-воль-но-о! – сдаваясь, прохрипел Лоран, карие глаза которого превратились в полные ужаса круги. Он понимал немец не шутит... И после выстрела этого монстра, в его кабинете не найдут и жалкой склянки чернил. – Всё... всё, что угодно, герр полковник. Пожалуй-ста... только не убивайте нас... умоляю... У меня четверо детей...

– Ну, вот, уже другой разговор. – Отто ободряюще улыбнулся. – Это слова не мальчика, но мужа. Вижу, ты лягушатник, духом не падаешь, хоть жизнь твоя на нитке. Как тебя там?..

– Месье Луи де Лоран, герр полковник... Можете просто Луи... Я не обижусь, герр полковник.

– Bravo, Луи! Ты не такой дурак, как кажешься. Хм, я вижу не промахнулся адресом. Тогда к делу. Давай на чистоту, – Отто фон Дитц сгрёб толстяка за шиворот движением свирепым и дружеским. – Полагаю, замок Griffon, где квартируется мой батальон, ты знаешь, Луи, как грудь своей любовницы, не так ли?

– Я...я...

– Ну, хорошо... жены.

– Так точно, герр полковник, кто же не знает эту развалину?

– Вот именно, – «развалина». Тысяча залпов чертей! Halt die Klappe! Arsch! Scheibe!⁶

– А ты случаем, не еврей, Луи? – ледяные глаза, как гвозди, впились в несчастного мэра. – Уж больно ты вёрткий. Как уж под вилами...

Бедняга Лоран жутко потел и молча со страхом, смотрел на фон Дитца. В горле мэра тупо пульсировало

– Никак нет, герр офицер!

У него был настолько жалкий, ошеломлённый вид, словно в любую секунду он мог свалиться на пол в обмороке. Выражение его стеклянно поблескивающих глаз встревожило и рассмешило Отто одновременно.

– Успокойся, Луи, верю. Наши ищейки из гестапо не допустили бы такого промаха.

Он почти дружески похлопал ладонью мэра по пухлой щеке и вдруг подмигнул:

– Сколько можешь выпить, Луи?

– Да хоть бутылку! – оживая взором просипел тот, веря в своё спасение. Он был счастлив, как беспризорный пёс, внезапно заброшенный мозговыми костями.

– А две?

– Могу и две, – снова насторожился мэр.

– А три?

– Но я же не лошадь, герр полковник, – Лоран почти обиделся.

Стальные глаза Отто смеялись. Толстяк определённо начинал ему нравиться, от него неуловимо пахло: провиантом, добротными ватными тюфяками, тёплыми одеялами, перьевыми подушками, французской снедью и вином.

– Надеюсь, ты понял меня, Луи? И не разочаруешь моих парней?

– Всё что в моих силах, герр полковник. Я тотчас же готов подписать любые бумаги.

От штандартенфюрера не ускользнул лихорадочный блеск в агатовых глазах мэра.

– Дыши глубже, Луи, не то задохнёшься от радости, так и быть... я забуду твоё упрямство и неговорчивость. К делу, месье де Лоран, – фон Дитц хлопнул его, как коня, по холке и тихо, глядя в глаза добавил:

– Но помни, говнюк, ни жалоб, ни писем, ни звонков в канцелярию гауляйтера Коха... У меня длинные руки, и я достану тебя хоть в аду.

⁶ Заткнись! Редкое дерьмо! (нем.)

Глава 6

Естественно, стороннему человеку, будь он даже боевой офицер, не просто завоевать авторитет в только что сформированном, ещё пахнущем свежими ремнями и ваксой подразделении. Завоевать доверие и того сложнее. Но после той достославной истории с мэром заштатного Плоэрмеля в Бретани, уважение у танкистов к своему командиру утроилось.

Миру давно известно: слово-серебро, поступок-золото. На войне, в экстремальных условиях, это суждение из постулата окончательно переходит в аксиому, т.е. в самоочевидную истину, не требующую доказательств.

Что ж, полковник фон Дитц и впрямь доказал свои командирские качества, сделал для своих бойцов невозможное. Теперь они прибывали в замке Griffon, как у Христа за пазухой. И, не смотря на крутой нрав командира и жестокую дисциплину, которую с первого дня завёл в своём «зверинце» фон Дитц, в общем и целом всё шло гладко. Даже до их отправки в Россию, где они должны были получить настоящее боевое крещение и на своей шкуре узнать «почём фунт лиха», Отто крепко сдружился с этими ребятами. И, право, казалось, будто всегда был с ними.

Однако, помимо напряжённых тактических учений, ежедневной огневой подготовки и практических занятий водителей-механиков в ремонтных цехах, неотъемлемой частью их нахождения во Франции, конечно же, было и красное вино, к которому все они пристрастились, особенно австрийцы. Не было вечера, когда бы дежурному по казармам не приходилось вскакивать с постели и укладывать подгулявших австрийцев.

Дежурный обычно не имел возможности вырубить свет, поскольку более половины батальона составляли военнослужащие унтер-офицерского состава, которые выполняли обязанности водителей, наводчиков и командиров экипажей. Заместителю фон Дитца, майору Ульриху Зассу, – почти всегда самому приходилось объявлять отбой. Но обычно это не происходило до тех пор, покуда он сам не осушал предложенную ему кружку вина и не прослушивал венской песни. На донесения майора Засса, барон сухо отвечал:

– Простим им эту слабость, Ульрих. Впереди смерть. Кто из них вернётся домой?..

На эти поздние посиделки за бутылкой вина, барон смотрел сквозь пальцы. Боевая практика в песках Северной Африки показала: солдаты Вермахта дрались отчаянней, если накануне командир позволял им опрокинуть за свою грешную душу и за здоровье родных стаканчик другой вина. Зато барон не давал послабки ни себе, ни кому другому, что касалось обязательной муштры и построений. Его парни не изображали «лишь бы, лишь бы» движение, когда появлялось начальство, но исполняли все действия и приказы, как заведённые. Что же касается остального, молодой барон, как и его батальон, был счастлив возможности насладиться последними, мирными днями перед отправкой в варварскую Россию.

Как только ударно-штурмовой танковый батальон был полностью укомплектован техникой и людьми, были сформированы и команды по транспортировке «тигров» на Восточный фронт.

Одна из таких команд была вверена Отто, поэтому пришлось ещё на несколько дней задержаться в Париже. Великий, окутанный легендами и былой славой Наполеона Бонапарта, город, равно и его жители весьма интересовали фон Дитца, хотя трудно было поддерживать с ними разговор. Тем не менее он был искренне удивлён, как вели себя Парижане. Видит Бог, они проиграли войну, но ни слова не было сказано в упрёк их солдатам! Надо отдать должное: они также воздерживались от всякой критики и в адрес оккупантов. Возможно, потому, что город был набит, как бочка сельдью, агентами и спецслужбами гестапо и СД. Офицеры в пивных и быстро говорили, что шеф внешней разведки СД бригаденфюрер СС Вальтер Шеленберг и шеф гестапо группенфюрер СС Генрих Мюллер частые гости на Елисейских полях. Возможно,

поэтому... Но Отто больше склонялся к другому: просто постоянно чернить собственное имя, в мире характерно двум нациям – русским и немцам.

Между тем, германские оккупационные войска в Париже вели себя так, будто Вторая мировая война уже кончилась и выиграна. Это праздное поведение поражало и бесило Отто одновременно. Уж кто-кто, а он никогда не забывал, что через несколько недель он снова будет завязан в ней с русскими по самые ноздри.

И ещё, чёрт возьми, в одном он был абсолютно уверен. Все последние годы, он, как будто, замороженный следовал по зову самой Смерти... А она безносая сука, как известно, никогда ничего не обещает зря.

* * *

...И вот теперь он был на Восточном фронте, и готовился вместе с другими частями выдвинуться к Сталинграду.

«Ну... и кто же из нас теперь прав? – он мысленно обратился к покойному отцу. – Ты или я? «Сумасшедший», по твоим словам, фюрер – завоевал всю Европу. Мы почти дошли до Москвы... Теперь наши доблестные войска сосредоточены в бассейне Дона и Волги... Ещё один, последний рывок и мы, будь я проклят, сломаем хребет Советам. – Он с хищной усмешкой посмотрел в чёрную глубину мерцавшего кофе. – И какая, в конце концов, разница кому поклоняется наш фюрер Дьяволу или Богу? Коммунисты, с которыми мы воюем уже второй год, вообще, отвергли и Бога, и Дьявола. Они поклоняются лишь своему усатому людоеду Сталину, ну так, что с того?... Прав тот за кем победа, отец. «А победа, всегда на стороне сильнейшего», как писал твой любимый Ницше».

– Нет, что ни говори... А философия нацизма, фашистская идеология – вот лавровый, золотой венец и триумфальный штандарт Германии! Две тысячи залпов чертей, как жаль, что ты не видишь наших грандиозных успехов, отец. Поколение восемнадцатилетних – девятнадцатилетних немцев, которые идут следом за нами и о коих всегда болело твоё благородное сердце, уже взросло на победных маршах Германии. Скоро весь мир падёт к нашим ногам! Твои опасения были напрасны... Прагматичные теории «Майн кампф» оказались: не только универсальны и патриотичны, не только утешительны, но и спасительны в трагический час для германской нации. Я потрясён каким простым, чистым и прозрачным стал наш мир при фюрере. Видит Бог! Нордическая раса, чьим знаменосцем являемся мы – немцы, творит всё прекрасное и ценное! А подлый, скользкий как жаба, хитроумный жид, который во все века олицетворял порок – зло и был ножом в спине Германии, наконец-то наказан и предан очистительному огню.

* * *

Ещё в феврале 1933 года, главное управление прессы и пропаганды Немецкого студенческого союза в Берлине – сообщило, что с 12 марта по 10 мая пройдёт всегерманский «культ-поход», точнее, «просветительский поход» против не арийского духа». Далее следовал текст, который воодушевил не только студентов, но и другие слои граждан. Отто помнил его почти наизусть и даже теперь, по прошествии лет, мог воспроизвести его едва ли не по всем пунктам:

«Еврейский дух, зловонно проявляющий себя во всей необузданности в мировом натравливании всех против вся и нашедший своё выражение также в немецких писаниях, должен быть искоренён, равно как и вообще гнилой либерализм. Немецкие студенты не хотят оставаться на почве бесплотного протеста, они жаждут чётких, действенных мер для образумления и создания подлинно народных ценностей. Это выражено в 12 тезисах немецкого студенчества, которые с 13 апреля будут публично и недвусмысленно провозглашены:

Язык и письменность коренятся в народе. Немецкий народ несёт ответственность за то, что бы его язык и его письменность оставались бы чистым и нефальсифицированным выражением его народности.

Сейчас разверзлась бездонная пропасть между написанным и немецкой народностью. Это расстояние – величайший позор.

Чистота языка и написанного зависит исключительно от тебя! Твой родной народ передал тебе язык для сохранения.

Наш опаснейший враг – жид и тот, кто у него в кабале.

Еврей может думать только по-еврейски. Если он пишет по-немецки, он лжёт. Но и немец, который пишет по-немецки, а думает не по-немецки, – предатель. Студент, который пишет по-немецки, а думает не по-немецки, кроме того, бездумен и не знает своей задачи.

Мы хотим раз и навсегда искоренить ложь, заклеить предательство; мы желаем создать для студенчества вместо очагов безумия и лжи, очаги дисциплины и достойного патриотического воспитания.

Мы хотим обращаться с евреем как с чужим, а нашу народность брать всерьёз. Потому мы решительно требуем от цензуры: Еврейские произведения выходят только на еврейском языке. Если они выходят на немецком языке, их следует рассматривать исключительно, как переводы. Строжайше запрещено употреблять готический шрифт. Готический шрифт только для немцев. Негерманский дух должен быть под корень вычищен из немецкой книжной и прочей печатной продукции.

Мы требуем от немецкого студенчества показать волю и способность для самостоятельного осознания и решения.

Мы требуем от немецкого студенчества содержать в чистоте немецкий язык, традиции предков и не покупать еврейские издания!

Мы требуем от немецких студентов проявить характер и решимость для преодоления еврейского интеллектуализма и связанных с ним либеральных проявлений, ведущих к обнищанию и упадку германской духовной жизни.

Мы требуем, тщательного отбора студентов и профессоров по надёжности их мышления в классическом немецком духе.

Мы требуем, чтобы немецкая высшая школа стала нерушимым оплотом немецкого народа и полем битвы за чистоту нации и немецкого духа.

Ну, а дальше, в 38-ом, была «Хрустальная ночь», известная ещё, как «Ночь разбитых витрин», массовые еврейские погромы, жёлтые шестиконечные звёзды на дверях и витринах, те же отличительные звёзды Давида на одежде – строго обязательные для стариков и детей, женщин и мужчин иудейского происхождения... И вскоре вселенная еврейства в Европе сжалась до печи крематория. Следуя инструкции рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, детей израилевых, невзирая на возраст и пол, более трёх дней в концлагерях предпочитали не держать. А выход с территории лагеря был один – через дымоход трубы крематория.

* * *

«...Но вот, ведь, парадокс истории! Выверт судьбы... – анализируя произошедшие грандиозные метаморфозы в умах Германии накануне Второй мировой войны, поражался фон Дитц. – Воистину пути Создателя неисповедимы. «Timeo Danaos et dona ferentes...»⁷

Между тем, нацизм гитлеровской Германии поднял голову, отнюдь, не на пустом месте. И первым его придумал, и воплотил в жизнь не Адольф Гитлер. Справедливости ради надо сказать: корни нацизма, равно, как и фашизма, как ни странно, уходят в седую глубь веков самого царства Израилева. Нацизм Германии вырос на немецкой боли и скорби, немецкого гнева и надежды, немецкого самосознания, чести и немецкой любви к своему Отечеству – Германии, к героическому прошлому своих воинственных предков. Любви к своему выдающемуся народу – гордому, но доверчивому, дисциплинированному, чистоплотному, но брошенному в грязь, – в 20-е годы XX века, – оболганному, оборванному и оккупированному хитрым, циничным и

⁷ «Бойтесь данайцев (греков), даже дары приносящих» (стих из «Энеиды» Вергилия). (лат.)

жестоким иудейским племенем – торгашей, стяжателей и банкиров, заполнившим во времена Веймарской республики практически все коридоры власти и теневые кабинеты» управления, средства печати, редакции и банки и т.п.

И всё это на фоне дикой, невообразимой послевоенной разрухи, вызванной Первой мировой войной, в которой Германия потерпела сокрушительное поражение. Всё это на чёрном фоне январских событий 1923 года, когда в Германии начался так называемый Рурский кризис, связанный беспрецедентной оккупацией Францией и Бельгией Рурской и Рейнской областей, ещё губительней обрушившей хозяйство и экономику страны и катастрофически усилившей инфляцию и голодомор.

На всех этих ужасных тяготах оккупации, которые воочию видел фон Дитц, еврейские монополисты и прочие дельцы – ловчили разных мастей сколотили баснословные состояния, беспощадно выжимая из несчастной германской нации последние соки...

Вот истинные истоки гитлеровского нацизма, который расправил железные крылья в противу губительному еврейскому игу в обездоленной Германии. Он был создан гитлеровским правительством в противовес еврейскому фашизму и целенаправленному геноциду немецкого народа, – жидомасонскими обществами в Германии, наполненных сатанинским культом талмудического иудаизма, насквозь пропитанного страшным человеконенавистническим верованием. Цель, которого с незапамятных времён была и остаётся одна – вершить судьбами мира!

Между тем масштабы разграбления германского достояния могущественными еврейскими кланами, скрытого геноцида немецкого народа, после Первой мировой войны, – были просто чудовищны.

По самым скромным данным экспертов: за время существования мягкотелой, беспомощной, откровенно лживой и эгоистичной Веймарской демократии, из Германии в Англию, Швейцарию, Австралию, США и другие безопасные, лояльные страны были вывезены богатства на многие сотни и тысячи миллионов американских долларов. При этом казна самой истерзанной республики осталась пуста, как амбар, из которого рачительный хозяин подчистую вынес зерно.

За те же последние пятнадцать лет, из-за легальных воровских, грабительских схем ухода от налогов были потеряны несколько годовых государственных бюджетов Германии. Хитроумно обанкроченные немецкие предприятия за смешные деньги массово скупались богачами-евреями и выгодно перепродавались иностранным владельцам из Франции, Италии, Бельгии, Англии, Нидерландов. Но и этого барыша жидомасонским кланам Германии оказалось мало. На очереди у них стояли недра, земля, железные дороги, электроэнергетика и прочее, прочее, прочее... Такой потрясающий воображение по своим хищническим масштабам грабёж, не мог не сказаться и на демографической ситуации в стране. Под руководством теневой еврейской власти, немцы на своей собственной земле умирали от голода, холода и болезней не хуже, чем на войне.

Отто не по-наслышке и не по книгам знал о «потерянном поколении». Чёрт возьми, всё происходило на его глазах... Увы, это были молодые люди, как и он сам, с той лишь разницей, что его социальное положение, деньги отца – позволяли ему безбедно жить и учиться в престижном университете Берлина... А они, волею обстоятельств, поголовным большинством, были выброшены на обочину из активной жизни.

Да многие из них из-за возраста не сражались в окопах Первой мировой войны, но и они не могли найти применения своим силам. Ещё хуже обстояло с молодыми фронтовиками... Озлобленные на судьбу, превращённые в «пушечное мясо», а позже лишённые места под солнцем в родной стране, ибо ловкачи – евреи уже заняли все хлебные должности и места, они сбивались в опасные хищные стаи. Что тут скажешь? В Германии тех лет на одного работавшего приходилось четыре иждивенца!

Будто по дьявольскому навету, ползло по стране планомерное обезлюживание сельскохозяйственных земель, оголялись важнейшие геополитические зоны, шло опустынивание издавна хорошо освоенных территорий. Разорившиеся до нитки немцы – сельчане массово потянулись в гололюдные – угрюмые города, где их, конечно, никто не ждал, и на мольбу о приюте, хлопали перед носом дверью и закрывали засов.

Аналитики Европы и США подсчитали, что при таком раскладе вещей, через 15-20 лет, Германию не надо будет даже завоёвывать. Немцы, потомки грозных тевтонских рыцарей, просто физически не смогут контролировать территорию Германии. И она будет разделена на протектораты между развитыми странами Запада, которые издревле граничат с нею.

И на этом катастрофическом фоне, еврейские олигархи Германии с вожделенной улыбкой на сытых, лоснящихся лицах, беззастенчиво всё туже и крепче набивали свои карманы деньгами, изо дня в день, год за годом, приумножая и без того сказочные состояния.

Видит Бог! Глядя на всё это гнусное непотребство... На этот пир во время чумы... На ум волей-неволей приходили мрачные, страшные мысли: смерть каждого немца рождённого на этой земле, приносила вполне ощутимый доход в карман сильных мира. Универсальным мерилom «родины» для которых всегда был и остаётся их незабвенный, оставшийся от отцов и дедов постулат: «Где хорошо, там и отечество». Смерть – деньги – товар...

Ничего не скажешь, не худой гешефт.

То, что всё происходившее в послевоенной Веймарской республике не случайность, не тривиальное следствие плохого правления беззубой во всех отношениях, демократической политики Берлина, а сознательный и целенаправленный с далеко идущими планами геноцид, стало вскоре очевидным для всех.

Несправедливый Версальский мир 1918 года обрёл население Германии на неслыханные тяготы. Бешеная инфляция немецкой марки и жуткая безработица загоняли страну в гроб. И особенно трудно было молодёжи. Но дело не только в том, что люди испытывали крайнюю – постоянную нужду. И даже не в том, что фронтовики, прошедшие школу жестокости на кровавых полях Первой мировой, представляли собой огромную резервную армию для дестабилизации жизни. Дело ещё и в тех истинных унижениях, которые пришлось пережить опрокинутой на лопатки Германии. Умеренные либерально настроенные политики не желали сего понять. Они наивно полагали, что в основе основ «смутного времени», наступившего в стране, лежит исключительно разрушенная экономика. Ах, если бы так и не иначе...

Между тем, немецкий народ жаждал не только «набить брюхо». Гордый, смелый, самолюбивый от природы, он жаждал, прежде всего уважения, равноправия, сатисфакции, и не только моральной... Жаждал он социальной справедливости и на международной арене. Однако в первую голову надо было, чтобы богатые и удачливые, зажавшиеся в собственной стране, перестали третировать бедных и неудачливых.

Остервеневший германский народ вменял демократам – политикам, застрявшим в правительстве, как мясное жильё в зубах, целый букет тяжких преступлений. И главным из них было обвинение в геноциде и дискриминации немецкого народа.

«Германия для немцев!» – этот хлесткий, как удар железного кулака, лозунг всё громче и яростнее сотрясал в те годы городские площади страны. Исклёванная и униженная страна жаждала подняться с колен и расправить плечи. По всей Германии резко возросло движение патриотов, искренне болевших за судьбы нации и своего Отечества! Это было видно и не вооружённым глазом, что, кстати, неудивительно... Ибо запредельно циничный, запредельно подлый характер еврейской теневой власти того времени стал очевиден уже практически всем. На таком взрывоопасном народном гневом фоне: политики оппозиции, бизнесмены, учёные и писатели, общественные деятели, мастера культуры, мелкая буржуазия и просто обычные добропорядочные бюргеры, жизнь коих превратилась в ад, уже в открытую, со злобой в глазах, говорили на улицах и в пивных, что нынешний режим в республике, это режим еврейского

фашизма, который с помощью подкупа и предательства, вероломства и лжи, просто оккупировал Германию и поработил многострадальный немецкий народ.

Собственно говоря, влиятельнейшие евреи Германии, того времени, и сами не особенно скрывали это.

* * *

Тихими, вкрадчивыми вечерами, когда в зелёных и голубых сумерках начинали нести свою молчаливую. Вахту уличные фонари, к загородным каменным особнякам – резиденциям, в определённый день и час съезжались роскошные авто и лаковые экипажи. Укрытые дубами, платанами, окруженные высокими коваными решётками, в стороне от Берлинского шоссе, откуда не долетали звуки проносащихся лимузинов, та или иная «знаковая» еврейская усадьба принимала гостей.

Предвкушая кошерное угощение, уповая на важные, нужные встречи, гости оставляли на асфальтированной автомобильной стоянке свои «мерседесы», «оппели», «бьюки», «каде-лаки» с водителями. Сопровождаемые ливрейными слугами в серебряных – золотых галунах шли к парадной, вдыхая по пути сладкий, прохладный воздух в котором неуловимо сквозили запахи модных духов и лосьонов, сбрасывали свои пальто, норковые и песцовые шубы на руки привратников. Ступали в просторный холл, где их принимал тот или иной владыка загородной резиденции, какой-нибудь влиятельный банкир или властный и тонкий политик, владелец топливных компаний, газет, угольных концернов, алюминиевых и сталелитейных предприятий, приближённый к сокровенным центрам власти... С шутками и дружескими приветствиями поднимались по молочной мраморной лестнице на второй этаж...

И вот в мягких сиреневых сумерках за готическими арками вспыхивали и сказочно горели высокие золотые окна.

На таких «раутах» были только свои, поверенные в делах, связанные крепче любых пут, масонской клятвой, – известнейшие люди еврейской крови, каждый из которых был, значим, весом и почитаем в определённом кругу берлинской знати. Являлся «агентом влияния», лоббистом или просто воротилой, для которого невозможного в этом подлинном мире было мало. Их ресурсы: влияние, связи, доступ к закрытым государственным документам с грифом «секретно», колоссальные финансовые средства, – были необходимы для использования их в продвижении своего священного еврейского дела, своих далеко идущих замыслов, для достижения заветной цели отцов и дедов.

... На презренном, нечестивом немецком тут не говорили, разговорный идиш тоже не был в ходу, общались, обменивались мнениями о сакральном и самом важном исключительно на благородном иврите, как и должно избранным Богом сынам израилевым.

На таких приёмах «за закрытыми дверями», решались важные стратегические и тактические дела по разделу и захвату послевоенной Германии на экономические и торговые зоны влияния между могущественными еврейскими семьями. Здесь в результате множественных плодотворных переговоров и уверений, посулов и обещаний, выбирались свои кандидатуры, которые в дальнейшем должны были проводить в жизнь идеи еврейского господства в Германии. Тут катались «белые» и «чёрные», кому «быть», а кому «не быть»... Здесь договаривались об оказании, на тех или иных выборах, нужным политическим фигурам широкой и всесторонней поддержки. Тут каждый посвящённый находил свой личный и групповой интерес.

... Гости, беседуя, обмениваясь новостями и сплетнями, расходились по залам, в которых мерцали огнём мраморные каминные, горели многорожковые хрустальные люстры и за большими решетчатыми окнами синели тревожные сумерки, лежали на вековых дубах и платанах чёрные тени близкой ночи, а в узловатых длинных ветвях, удаляясь вдоль гарьевых дорожек, туманились желтоглазые фонари и темнели крепкие фигуры охранников.

... Почтенный хозяин расхаживал среди гостей, улыбаясь раскланиваясь, и почти не вмешивался в разговоры. Давал тем самым разговорам завязаться естественным путём, сплестись

в тесную ткань, чтобы малознакомые гости ощутили себя частью единого сообщества, связанного орденой дружбой, интересами, общей целью, близким будущим, где каждый – активный, деятельный, преданный, – найдёт своё сытое, доходное и блистательное место, окружая нового теневого властителя.

...Собравшиеся забавлялись коктейлями, курили, едко посмеивались, прохаживались по изысканным закускам, делали замечания, касательно последних событий в Германии и в Европе, о действиях оккупационных войск, но... Каждый ощущал кожей на себе ласковый и зоркий догляд чёрных, на выкате, умных и проницательных глаз хозяина, на цепких пальцах которого колко переливалась цветастая радуга драгоценных камней в массивных золотых оправах.

Хозяин любовался гостями, делал краткие распоряжения вышколенному мажордому, а по-звериному чуткий слух, меж тем, с удовлетворением низал щекотливые разговоры о разном.

– Ох, уж эти самонадеянные ослы тевтонцы! Право, господа... Покуда они упражнялись своей немецкой философией и ревностно точили ржавые мечи... Ха-хаа! Предприимчивые державы таки разобрали по миру все колонии, как опытные игроки, козыри из колоды.

– Ваша правда, уважаемый! Но замечу, я лично иного мнения... Немцы очень воинственны...

– Но тупы, как их рождественские утки! Кои, кстати, тоже любят строем ходить под нож к мяснику.

– Аха-ха-хо-о!

– Ой, не скажите, любезный. Таки я вам отвечу по-совести. Полагаю, нам должно держать этих немцев на коротком поводке... На железной цепи, ежели угодно, господа. Да, да-да! Напрасно смеётесь. Как бы ни пришлось слёзы лить. Их народ до крайности обозлён... Как бы, не показал свой волчий оскал.

– Ай, полноте пугать! Эти грязные псы становятся только тогда агрессивными, когда у них кончается пиво и им больше нечего жрать. Пока мы будем им кидать объедки с нашего стола, они будут довольно визжать и махать хвостами. Я прав, я прав или я прав?..

– Вы, думаете, рассмешили и я рассмеюсь? Так нет, не дождётесь! Вы опережаете события, уважаемый. Не стоит выдавать желаемое за действительность. Мы выиграли сражение на территории врага. Но вся война в Германии за передел влияния ещё впереди. Как бы наша нетленная миссия не оказалась под ударом, братья...

...Хозяин следовал дальше и, если вдруг замечал, что какая-нибудь беседующая группа умолкала – скучала, если в ней кончались темы или назревало досадное разногласие, он тут же оказывался рядом, вставлял несколько острых, ободряющих фраз, давал разговору иное, дружелюбное и конструктивное направление. Так сказать, «подкручивал ослабевшие пружины общего механизма», бросая на каждого магический пучок радужных алмазных лучей, продолжал свой обход...

* * *

Между тем справедливые опасения за судьбы еврейства в Германии, всё чаще звучащие на тайных собраниях, были совершенно реальными и вызвали серьёзные опасения. А к началу 30-х годов, когда по улицам городов Германии уже открыто маршировали с выбритыми затылками штурмовики – коричневорубашечники, – сверхопасения. Несправедливый, позорный Версальский мир действительно обрёк население Германии на жесточайшие тяготы. Оголтелая инфляция и жуткая безработица все туже затягивали петлю на шею обостряя при этом бытовой национализм и ярую юдофобию.

Да, огромные деньги, суперденьги во все времена решали в мире практически всё... Но даже они не могли помешать освободительной идее немецкого народа. Идеи социальной справедливости, уважения и равноправия. Древний инстинкт самосохранения нации вспыхнул в сердцах немцев. «Тупые тевтонцы» – стали стремительно пробуждаться, сбрасывая с

себя вериги терпимости, толерантности и прочей талмудической схоластики, навязанной миру либеральными начётниками и демократическими двуликими буквоедами.

Да, «презренные баварские псы» просыпались, и щёлкая клыками, начинали искать, налитыми дикой яростью взглядами, – врагов.

Это прекрасно усвоили экстремисты всех мастей и калибров. Они сумели ловко – оперативно использовать в своих интересах остервенелую ярость народа, годами бесправия, накопившуюся в нём ненависть. Указать врагов нации и направить эту ненависть в нужное им русло, дав при этом немецкому обывателю, пусть и простые, зато «зажигательные» и «доходчивые» лозунги. Недаром Геббельс в ту пору беспрестанно повторял реплику из драмы Вольфганга Гетца: «Дай Ты нам Боже цели – безразлично какие!» А сам писал в повести «Михаэль»: «Не так важно, во что мы верим, важно, что мы верим. К чёрту условности старого, прогнившего мира. Нам нужен новый и новый железный порядок!»

Глава 7

14 августа 1942 года.

День выдался ясный, устойчиво солнечный, знойный. Ощутимо близкий дыбился фронт, пугающе и призывно он громыхал громами канонады тяжёлых орудий, как некое пульсирующее царство Зла.

Судорожно стягивавшиеся к Сталинграду армии обеих сторон, дышали предсмертной лихорадкой; спешно под страхом расстрела подвозились огромные поезда – обозы с боевыми припасами, продовольствием.

Армии многоруко тянулись к призрачным, желанным словам – «разгром», «победа», «виктория».

Армии по-разному вдохновляемые своими вождями: одни – понукаемые истерическими нацистскими призывами – криками фанатичного фюрера, зомбировано маршировали в июльско-августовском наступлении... Другие – взнужданные коммунистическими воззваниями мудрого отца всех народов к «братьям и сёстрам»... Пропитанные интернациональной яростью они одержимо рвались в бой свести счёты с жестоким врагом, предавшим их любимую Советскую Родину – огню и мечу, скверне и поруганию.

В обеих армиях, вызревшие: гнев, страх и отчаянье, лютость и злость – плавилась и вскипали, как вода, раскалённая на огне свирепой ненависти, идеологической вражды и расового презрения...

На подступах к Сталинграду, в смертельной схватке – коммунизм и фашизм, – с неумолимостью рока открывали новый этап Второй Мировой войны. Битва титанов, людей и машин, непримиримых идей и амбиций лидеров двух супердержав, двух армий, разведок, спецслужб – продолжалась...

Миллионы людей, с той и другой стороны, подобно двум враждующим, разнородным пчелиным роям, на пределе своих человеческих возможностей, участвовали в этом противостоянии...

Миллиарды людей в Старом и Новом свете притихли, словно в гипнотическом трансе, судорожно ожидая развязки этой, ещё невиданной в истории Человечества по масштабам и технической мощи битвы народов. И, право, одному только Богу был известен исход сего грандиозного сражения.

* * *

...А здесь, (в трёх казачьих станицах, что по соседству, с царских времён вековали в верховьях Дона), 100-я дивизия нервно, как на шающих жаром углях, ждала пополнения. Стрелки жили скрытой тревогой, тщетно пытаясь насладиться временным затишьем, купаньем в реке, стиркой – штопкой завшивленного белья, починкой сапог, нехитрыми солдатскими харчами и сном... Их память безуспешно силилась зарубцевать огромные бреши потерь, зарастить тяготы, перенесённые на фронте... Напрасный труд! Сердце поневоле сжималось всякий раз в узел: увы, время, даже большое, длиною в жизнь, не способно поглотить память о боевых товарищах, погибших в этих прелестных – проклятых местах.

Меж тем, лето шло на убыль. В прифронтовой зоне на больших площадях, которые не успел пожечь – потравить фашист, стояли неубранные хлеба – горемыки, налитые тяжёлой янтарной бронзой, глаз не оторвёшь! Солдаты – выходцы из крестьян, чья трудовая жизнь сизмальства была связана с пашней и хлебным колосом, на силу могли удержать в узде близкие слёзы. Их сердца обливались кровью, взирая на оставленный врагом выжженный след. Уж кто-кто, а они с колыбели, с песнями – сказами матерей, впитали в себя любовь к трудовому, крестьянскому хлебу.

...Всходит копьеусая пшеница, изумрудной стрелой; через месяц другой длинноклювый, востроглазый грач хорониться в ней с головой, аки чернорясник в затворе, шиш увидишь; а она, пшеница – кормилица, набирается из земли соков да сил, покуда не выколосится; позже набрав стать, зацветёт, золотая пыль плотно покроем стройный колос; набухнет зерно, как бабья грудь, кормящая дитя, – пахучим и сладким молоком. Э-эх, в прежние времена выйдет хозяин в поле – дивная красота, не нарадуется. Случалось, конечно, что откуда ни возьмись, забредал в хлеба табун скота... Беда!

«Ах, чтоб вас холера свалила, гривастое семя... вместе с вашим пастухом – дурносопом!» Ископытят хвостатые, в пахоть затолочат грузную медь колосьев. Там, где валялся табун, – дюжие плешины примятого, потравленного хлеба... То горько, но по-житейски понятно, выпадает такая беда на крестьянскую долю... Но то, что низали крестьянские глаза здесь, не лезло ни в какие ворота... Дико и страшно было глядеть. Нет, ни круговины, ни сажени примятого хлеба, ни мысы залысин в жнивье... а многие сотни гектаров, напрочь выжженной земли, были изрыты воронками бомб и снарядов, варварски изрубцованы гусеницами многотонных танков и бронемашин, ископытаны тысячами вражьи сапог и превращены в одну без конца и начала обугленную развалину...

– Сучьи выродки!.. Ни себе, ни людям!.. Испепелили, испоганили всё вокруг... – олютело, срамно матерились бойцы. Пусто т одичало, как на заброшенном, задубелом на солнце току было и на душах солдат, после увиденного...

Но Бог не без милости, на радость стариков – станичников, баб и детей, много колхозной пшеницы уцелело. По сему, по решению Военного Совета Юго-Восточного фронта незначительная часть войск в авральном режиме была направлена на срочную уборку урожая.

От 100-й дивизии, ожидавшей пополнения, в помощь донским хлебоборобам тоже были выделены некоторые тыловые подразделения и одна батарея из 408-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона.

Сказано-сделано. По холмистой степи, до сизой черты горизонта, копошились служивые. Мирно стрекотали, чечекали ножи косилок, бугрилась снопами скошенного хлеба степь. Передразнивая погонщиков подвод, свистели на лысоватых кургашах щекастые сурки.

* * *

Утром следующего дня, после встречи с комбатом, майор Танкаев поднялся чуть свет. С нутра воротило. В голове шумел вчерашний ядрёный хмель, путались разговоры, пересохшее горло, ей-ей казалось голенищем ялового сапога. «Твою мать...»

Цепляясь плечом за дверной косяк, по пояс голый, он вышел на баз. Почистил зубы золой, окунул несколько раз голову в кадку с холодной водой; поигрывая бицепсами, растёр рушником мускулистый торс, выглотал жадно полчерпака колодезной воды, как будто бы полегчало. Закурил, но сделав пару затяжек, выплюнул початую папиросу, злобно проследив её скорый полёт. «Вот и пей с ним...» душа – мера». Э-эх шайтан ты... Арсэний Иванович-ч...» Во рту от выкуренного натошак табаку воняло припалённой козловой щетиной.

Он взялся натирать щёткой сапоги, как с высокого казачьего крыльца его окликнула бабка Аксинья.

– Чай, не слышишь, сынок? – её строгое, коричневое от загара, морщинистое лицо треснуло в едва приметной улыбке. – Айдате, поклоёте, что Бог послал.

Магомед не обращал внимания на дребезжащий голос старухи, продолжал в наклоне ваксить щёткой сапог, заступив одной ногой на нижнюю ступеньку крыльца, на смуглом лбу его чёрной спутанной гроздьё прыгала чёлка.

– Ты глупой, аль контуженный? – багровея от нахлынувшего недовольства, крикнула хозяйка и жала глянцевитую клюку, удерживая дрожавшую руку.

От неожиданности он вздрогнул, как пришпоренный конь, отложил щётку, недоумевая, поднял на бабку Аксинью глаза.

– Э-э, зачѐм злишься, мать? Скажи, чем помочь, – он белозубо улыбнулся.

– Брось, тебе велят эту канитель! Айдайте в хату, поешьте. Ишь, худой, как оглобля, да чёрный, ак головешка. Цыган, рази?

– Аварец, мать. Слыхала о таких? С Кавказа я родом.

– Ай, один чёртъ, родак не казак. Не наш...басурман, стал быть. Нуть, так идѐшь, чоль? Айда, сынок, молочка поешь с хлебушком.

– Эт-то мы зараз, с удовольствием, – продолжая удивляться бабкиному хлебосольству, хмыкнул под нос майор и раз-два нырнул в гимнастѐрку.

– Проходите, проходите в хату, – уже заметно добрея голосом, бубнила старуха, отворяя пере ними дверь и, неопределѐнно потоптавшись ещѐ на крыльце, остаток сердитости сорвала на невестке, коя уже второй год жила при ней без мужа, ушедшего вместе с другими казаками – станичниками на фронт.

– Глашка-а! У семи нянек дитѐ без глаза... Ты кудысь, сорока, смотрела? Скотина доселе не поенная, шо ж ты, дурая, всё на большак пялишься?.. Кому гутарила, шоб закут у сеновала не отворяли?..Ах ты горькая редька! Потравите с Митькой – мальцом проклятушие, само добро сено зазря! Чай, зелена-трава...лето ишо на дворе... Чем Зорьку – кормилицу, овец к весне буш правдать?..Ну, я вам! Давай затворяй, гутарю! Да печь пора затопить. Кизяки в дровянике прихвати. Щец, поди ж то, сварить нады... – командовала сварливая свекровь.

...Магомед прошѐл тѐмные прохладные сени, шагнул через порог. На кухне пахло свежими собранными в пучки степными травами, ременной сбруей, кислым ржаным заквасом и теплом человеческих тел.

Глашка – солдатка, живо управившись с наказами старухи, споро пронырнула в хату, зашелестела долгополым подолом юбки у белѐной печи. Надутая на свекровку, она бегала, скользяще шаркая, по широким половицам низкой обрѐзью засаленных валенок, грохотала чугунами. Под сиреневой кофтой, с засученными по локоть рукавами, волновались сдобные груди. Замужняя судьба, тяжѐлые роды сына и даже полуголодная, полная лишений и военных тягот сельская жизнь, на удивление, не изжелтила, не высушила еѐ...Рослая, гибкая в стане, была она со спины похожа на девушку. Будто ручьилась в походке, быстро частя мелким бабьим шажком; на окрики матери мужа посмеивалась; под тонкой каймой узких злых губ плотно просвечивали частые ровные зубы.

* * *

У горцев Кавказа не принято откровенно смотреть на девушек, тем более на замужних женщин. Дурной тон. И то верно: брошенный мужчиной взгляд, порой может быть выразительнее тысячи слов и клятв... Если такой мужской взгляд в горах подхватывается ответным женским взглядом, то таким образом закрепляется первая тяга друг к другу. Горская любовь – это не результат сцепления встреч, разговоров, клятв, поцелуев и всего того, что по традиции – этикету сопровождает у европейцев «союз» двух сердец отныне и присно и во веки веков. Она безмолвна – горская любовь.

Родится она в летние лиловые сумерки у источников, к которым вереницами тянутся за водой аульские девушки. На расстоянии, достаточно гарантирующем девушку от прикосновения чужого, сидят юноши. Хо! Внешне они бесстрастны, нисколько не заинтересованы в тех, кои, как видения, бесшумно подходят к источнику с тяжѐлыми кувшинами на плечах. Но суровые, бесстрастные маски на лицах, всего лишь маски. В груди каждого бѐтся горячее сердце, в жилах стучит горячая горская кровь. И взгляды: тайные, быстрые, как бесшумные стрелы... мужские, девичьи...

Такие взгляды, остры, как кинжалы, – могут пронзить смельчака, случайно оказавшегося в их скрещении.

* * *

Сын Танка Магомед был горец как горец, со всеми чертами настоящего горца, настоящего мужчины. Родина его – Урада. Отважные гололобые предки его были воинами Аллаха – мюридами, – послушниками великого имама Шамиля. Сам он тоже стал воином, с колыбели впитав в себя суровые адаты гор, Дагестана.

...И всё же природа брала своё. Из скромности, задерживаясь возле дверей, с быстрым, но скрытным любопытством молодости, он невольно заметил и женские формы, обозначившиеся под тонкой ситцевой кофтой и юбкой, и живые кари глаза, с настороженной опаской и любопытством, мазнувшие его пару раз.

Бабка Аксинья напонила о себе тяжёлым вздошем, согнувшись, как коромысло, задом к нему, закрывая дверь.

– Большое спасибо за приглашение, мать! – по-горски приложив ладонь к сердцу, начал Магомед.

Старая донская казачка, не разгибаясь, обернула к нему строгое, но с чертами былой красоты лицо.

– Шо стоишь столбом? Набоялси старухи? Без ног, рази? Аль насмеяться хошь? Так я те насмеюсь! – зашкворчала она, искоса оглядывая новоявленного постояльца. – Нуть, проходи тудась, садись, командер, – она указала клюкой на длинную струганную лавку и такой же стол, что стояли вдоль стены. – А ты болячка, – старуха вновь накинулась на невестку, – шо задом перед ним вихляешь? Пошто не усадишь человека, не подашь на стол?

– Да будя вам, маманя! – через плечо огрызнулась молодуха, ловко подцепляя рогатым ухватом чугунок. – Вас не поймёшь, ей Богу... То печь растапливай, то...

– Помалкивай, вылетишь. Знай шуруй дело своё, воцегра. Сын то где, Митька? Аюшки? Навоз убирать? Ну, то-то... Знает пострел, шо не заработанный кусок в горло не лезет, – ставя перед гостем кринку с молоком и лохань с хлебом, беззубо усмехнулась старуха. – Ты ешь-пей, сынок, не слухай нас баб. Жись..уж больно тяжёлая. Ишо эта холера война, расстрели тебе в животы сердце! Охо-хо-оо... – присаживаясь на край табурета напротив гостя, крестясь на смуглые образа, вздохнула она.

Танкаев по-первости полагал, что до крайности изнурённое, измотанное в кровопролитных боях с немцами, их храброе воинство, командиром одного из подразделений которого он являлся, будет принято везде, особенно освобождёнными от гитлеровцев жителями станиц, с радостью... И потому, признаться, такой сварливый приём озадачил его. Не смущаясь, однако, изрядно отпив вкусного прохладного молока и закусив хрустящим ломтём хлеба, он хотел объяснить – успокоить, что долго в станице их полк не задержится и через день другой, в составе 100-й дивизии выдвинется к Сталинграду, но хозяйка не дала договорить ему.

– Ох, Святые угодники... Можя и моего сыночку Гришеньку, хто приютить, приголубить? Как он родимый там горе мыкает?

– Воюет? – В чернильных глазах майора вспыхнула рыжим огнём командирская искра.

– Так же воть, как и ты, – она затрясла головой.

– А где? Какой фронт? – Магомед надломил хлеб.

– А шуть его знает... Давно не слал весточек. Живой ли нет?..

Материнское лицо её вдруг сморщилось, как печёное яблоко, и выцветшие глаза сразу затуманили слёзы. Корявые, перепутанные напряженными жилами руки, упали бурым узлом в чёрный подол домотканой юбки.

– Да будя вам убиваться, маманя, – отставляя ухват, встряла невестка. – Не один Гришка, подишь то, с немцем воюет... Вся страна поднялась на дыбы. Так ить, товарищ командер? – она, кусая губы мелкими зубами, горячо и бессовестно зыркнула на статного, красивого офицера. Обливаясь густым румянцем, качнулась всем телом к стене, поправляя платок.

– Цыть, хворостина бесстыжая! – с порогу заткнула её свекровь. – Ишь изъёрзалась, разхмявкалась кошка. Ты знай сына расти, да мужа в строгости жди. Молись, шоб живой, на своёных ногах возвернулся!

Глашка, темнея зрачками, в ответ лишь зло усмехнулась; розовея и дрожа дугами тёмных бровей, принялась у окна ожесточённо шинковать окатистый капустный кочан. Натянутая, как узда, раздражённая властью суровой свекрови, она яро частила кухонным тесаком, будто борзо отвечала: «Тебе старой карге уж ничерта не надо, акромья молитвы, сухарей да чая... А как же мне, молодой не топтаной, без казака так долго сносить, да тебя ядовиту гадюку терпеть? Уж ли, молодой не хотелось ласки? А-ай, пошто уж грех-то таить... Измаялась наша сестра по бабьему счастью, спасу нет... В станице одне старики да мальцы сопливые... С такими «пыжами» дюже не разохотишься... А страсть – зараза меж ляжек жжет, аж скулы сводить. То вы не знаете, маманя, как наши вдовы солдат на постое раскачивают?!

Эх, судьба окаянная! Чай, не убудет с нас... А, может... и я, как давно вдова? Уж краше своих ублажить, чем чего доброго выблядка их в утробе своей вынашивать!.. Вам известно, маманя, немец шутить не любит. Кто из солдаток наших перед их кобелями ног не раздвинул... всех, вместе с детьми в распыл пустили и поскидали, как ветошь, в колодцы...»

...Магомед всё время молчал, пока нож зло стучал о разделочную доску. Он держал подо лбом: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Не ответил он и на улыбку солдатки, и на её вопрос. Хмурый, сосредоточенный, он медленно жевал хлеб, гоня по-над скулами комки желваков. Занозистая, нестерпимая обида кипела в нём за своего брата – солдата, ушедшего защищать Родину. Брала за горло глухая злоба – за бабью неверность... Хотя понятна была ему и её нервная женская правда. Со времени ухода мужа прогрохотало немало времени. «Натерпелась, хлебнула лиха и страха во время оккупации... Второй год без мужней ласки, всё хозяйство считай на её плечах... Малолетний сын, старуха мать... что тут гадать?..» Отсутствие мужа в доме и впрямь заметно сказывалось – отзывалось в её поведении, наполняя греховным зудом нутро, как ячменной бузой кружку... Да и сам он, повидавший – познавший за это лихолетье многое... Понюхавший фронтовую жизнь с разных концов, сразу сумел понять, что к чему... Сумел «понять», но не принять.

Как такое возможно? На Кавказе изменницу, неверную жену, – ждало бы суровое наказание. Возможно смерть. Адат суров, но справедлив. В его родных горах Дагестана такое немислимо. Впрочем, случаи подобные, конечно, бывают везде, и на Кавказе в том числе, но они уж крайне редки... Там обязательно замешана роковая любовь, приворот, колдовство... А стало быть, кровь и месть. О таких историях горцы слагают пронзительные, печальные песни – легенды, мораль которых одна: «Прежде чем жениться, десять раз подумай, а прежде, чем разводиться, подумай сто раз. Прежде же, чем изменить, загляни в бездну пропасти... и посмотри ей в глаза»...

Практически во всех горских обществах – тухумах и тейпах – адаты запрещали убийство жены за супружескую неверность, если, конечно, любовники не были застигнуты на месте. Но, как бы там ни было, приговор общества к таким отщепенцам всегда был крут и суров.

Их отвергали, изгоняли из племени... А, что может быть страшнее изгнания? Обратного хода решение джамаата уже не имело. «Слово джамаата сильнее, чем шашка героя», – издревле говорят старцы на годекане и добавляют: «Кто не вместе с аулом, тот покойник и без могилы», «Тот, кто покинул аул отца, не узрит никогда хорошего дня».

То чистая, как родник, правда. И какой бы редкой красоты, не была женщина, совершившая это, она уже больше не принимала участия в общем веселье аула; сиротливо бродила вне его границ, как прокажённая, в стороне от всех. Ей больше не было места ни среди замужних женщин, ни среди сверстников и подруг, ни в человеческом жилье, ни в овечьем загоне. Днём она должна была прятаться в скалах, стыдясь показаться на людях нечесаной, косматой в своих грязных лохмотьях. И лишь в те часы, когда уставшие от трудов, побеждённые дневной исто-

мой люди отдавались отдыху, она могла выйти из своего укывища на лунный свет, как лесной зверь. Подобно отверженному духу, блудила такая... по склонам вдоль реки и, чуждая солнцу, омывалась в лунных холодных лучах...

Знал эти истории и Танкаев. В такие спорные минуты пред ним всегда возникал светлый образ матери – труженицы Зайнаб. Память хранила суровое время, когда из-за беспросветной нужды их отец Танка, был вынужден покинуть семью и уйти на заработки в соседнюю Грузию. ...Надо было иметь железную волю, любящее сердце отца и бесстрашие воина, чтобы одному отправиться в такой рискованный путь. Тогда, после кровавой Гражданской войны, что озарила закат старого века, в горах было очень опасно...

В ту грозную пору, ещё была отчётливо слышна пулемётная, винтовочная пальба – злобные отголоски воззваний к Джихаду – идеологов антинародных партий, апостолов «зикры» – учения халифатских фанатиков. Да и, вообще, одному, без вооружённой охраны в горах было равносильно гибели. Тут и там бесчинствовали, бежавшие из своих родовых гнёзд, – ханы, баи и беки, их многочисленные сынки и приспешники, жестоко мстили принявшим революцию большевиков, горцам.

Но Танка всё равно ушёл. Не смотря ни на что – ушёл. Нужны были деньги, чтобы прокормить семью. Нужны были деньги, чтобы гордо носить папаху на голове и кинжал на поясе.

Тоже страшное было время... Голод и мор, шашки и пули без счёта косили жизни людей.

Отец лишь с надёжным человеком, от случая к случаю, мог посылать деньги семье... Несколько лет его не видели в родном ущелье, несколько зим родные не слышали его голоса.

И тем не менее, верная, любящая Зайнаб, осталась преданной ему, сумела поднять детей, сохранить достоинство их семьи, своё доброе имя и честь горянки. Потому что она была настоящей женщиной, а он настоящим мужчиной. Потому, что орлы в горах, выбирают себе пару на всю жизнь, раз и навсегда.

* * *

...Обо всём этом знал и помнил, сидевший за столом бабки Аксины, Магомед. Покуда ел-пил, чертовски многое хотелось ему сказать, чесался язык. Но кремнем остался он. Лишь себе с упрёком задал вопросы: «Разве, гостю пристало хулить хозяев, что приютили его, дали кров и еду? Слово серебро, молчание золото. Да и кто я такой, чтоб судить других? Безгрешный святой? – он усмехнулся в душе. – Аллах не торопится. Время рассудит. Радуйся, что танки немцев не рычат на улицах Махачкалы и Дербента. Радуйся, что сапоги фашистов не топчут улочек Гидатля и Урады. Кто знает, как бы тогда сложилась жизнь?.. Ты воин, а не мула. Так воюй! Бей насмерть врага! Режь, жги! – чтобы такого, как здесь... никогда не случилось!»

Между тем, сердце майора день ото дня всё крепче сжимали тиски неизбывной тревоги, равно, как и все сердца честных, преданных Родине и воинской клятве на верность, – сынов гор. Ещё накануне июня Воронежский фронт облетела чёрная весть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.